

Кутузова Елена

Свет упавшей звезды

12+

Елена Кутузова

Свет упавшей звезды

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кутузова Е. Г.

Свет упавшей звезды / Е. Г. Кутузова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Попаданка... Кинолог-дрессировщик Стелла читала о них только в книгах. А теперь сама оказалась в другом мире. Но, против всех канонов, перенеслась туда не одна, а с двумя своими собаками: ротвейлером и лабрадором. Отныне у Стеллы есть цель: выжить в жестоком мире и вернуться обратно. А если не получится, то просто найти покровителей, друзей и обязательно - любовь.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0.

Квартирке 57 посвящается.

Голова болела так, что первой пришла мысль о гильотине. Открывать глаза и вставать желания не было, но в спину упиралось что-то острое, мешая заснуть снова. А заодно, пробуждая воспоминания.

Парк! Я шла в парк!

Паника заставила глаза широко распахнуться. Вместо деревьев передо мной простиралась степь.

Взрыв боли на миг заставил забыть о незнакомом пейзаже. И помянуть «добрым» словом Витальку, включившего кондиционер на полную мощность. Разумеется, меня просквозило.

Теперь даже думать было тяжело. Мысли ворочались где-то в глубине кипящего мозга, лениво всплывая на поверхность, отчего окружающее вспыхивало ослепительной болью. Но куда сильнее резанула мысль: в парк я шла не одна!

– Дашка! Нютка!

В ответ только какая-то птица просвистела мне сверху. Ужас – холодный, липкий, как пиявка, скрывающаяся в тине, заполз в душу. И я не узнала своего голоса в пронзительном вое:

– Нютка! Дашка! Где вы?

Кашель разорвал горло. Все, на что хватило сил – закрыть глаза, чтобы хоть на миг отгородиться от окружающего. И, преодолевая боль, сообразить – даже не помня себя, я не смогла бы уехать из крупного города в бескрайние степи.

Вывод оказался неутешительным – меня посетил горячечный бред.

В пустоте безумия голова превратилась в огромный барабан. Кровь стучала в висках, и я почти потеряла связь с реальностью. И когда кто-то схватил меня за плечо, я даже закричать не смогла, настолько испугалась.

Передо мной стоял азиат. Казах, узбек, кореец или китаец – я не задумывалась, потрясенная его красотой. Даже не думала, что мужчины такими бывают! И, хотя европейцы мне ближе, я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть чудо. И кто придумал, что «восточные братья» на одно лицо? Этого можно было узнать из тысячи, да что там – из миллиона!

Длинные волосы, сдерживаемые широкой налобной повязкой, привели меня в восторг. Вороным водопадом они стекали по плечам и спине, до самой поясицы. Темные глаза, лишённые второго века, смотрели со спокойным любопытством. Высокий. Хотя мне, с моим «метром в прыжке» любой Голиафом покажется. И осанка... Спину держит, как танцор, причем профессиональный.

Судя по одежде, я не ошиблась. Непонятного кроя наряд, дополненный кожаным панцирем, напоминал иллюстрации к фэнтезийным книжкам. Где-то идет спектакль? Но нет ни камер, ни других артистов.

Второй вариант оказался не столь радужным. Я даже застонала, отчего в висках снова застучали барабаны. Только не ролевик! С их тараканами я точно не уживусь! И придется помахать этой красоте ручкой.

Но, кем бы ни был этот «первый встречный», отпускать его так просто я не собиралась. Слишком много вопросов толкалось в больной голове. И два важнейших я задала сразу:

– Ты моих собак не видел? И где мы?

Темные глаза широко распахнулись. Но их обладатель даже не сделал попытки ответить.

– Ты меня понимаешь? Что это за местность? У меня похоже, амнезия. Ретроградная. Тут помню, а тут – на помню... Что молчишь-то?

Статуя напротив меня ожила и выдала тираду. В потоке непонятных слов не оказалось ни одного знакомого. Да и по стилю речи определить язык не удалось. Не русский, не француз-

ский и точно не английский. Хотя от последних двух мне тоже толку мало, лингвистический кретинизм штука неприятная.

Монолог закончился. Собеседник постоял несколько мгновений, и протянул руку. В груди разгорелся огонь – фамильярных прикосновений я не терпела, и попыталась высвободиться. Как бы не так! Пальцы мужчины казались отлитыми из стали, и я заскулила от боли.

Зато в голове прояснилось. Ни актер, ни ролевик не стали бы причинять встречной девушке вред. А значит, передо мной – маньяк или сумасшедший.

Первое правило, вбитое в голову еще в ранней юности, гласило: не можешь убежать – не зли! И я послушно встала, подчиняясь требованию сжавшей плечо руки.

Убедившись, что я поняла, мужчина развернулся и направился к горизонту. Судя по всему, мне нужно было идти следом. Но... мне нельзя! Девчонки искать будут!

В этот раз он просто схватил меня за руку и потащил. Голова взорвалась осколками боли, ноги подкосились...

Наконец, мой спутник сообразил, что долго я его скорости не выдержу и пошел медленнее. А я... нащупала в кармане упаковку бумажных носовых платков и вскрыла. Крохотные белые кусочки, пропитанные моим запахом, падали на землю, а я не сводила взгляд с маньяка.

С чего я решила, что он взрослый? Судя по виду, даже младше меня, хотя кто этих азиатов разберет. Но что сильнее – это точно.

Взгляд блуждал по окрестностям в надежде зацепится за линию электропередач. Но до самого горизонта не наблюдалось ни одной вышки, и только вдалеке виднелись горы. Судя по всему, к ним и идем. Хорошо, что на ногах любимые «гуляльные» кроссовки, разношенные, удобные. Да и «горка», которую я одеваю на прогулки, удобнее даже джинсового костюма.

Движение спугнуло слабость, и она постепенно испарилась. В голове прояснилось, мелочи вокруг стали заметнее. Запах нагретой травы бил в ноздри, солнце слепило, так что пришлось достать из кармана темные очки. Но ощутимый ветер прогонял жару, так что идти оказалось достаточно комфортно.

Очень скоро мне стало все равно, кто мой спутник – сумасшедший, маньяк, или просто прохожий. Горло сжимал другой страх – я до рвоты беспокоилась о собаках. Если они здесь, то смогут ли найти? А если остались там, в родном городе? Испуганные, мечущиеся по улицам, по проезжей части, с риском угодить под машину или попасть на зуб бродячим стаям... Я не могла решить, что страшнее.

Движение впереди заставило насторожиться. В траве мелькнула одна тень, вторая...
– Нютка! Дашка!

Идущий впереди мужчина вздрогнул и одним прыжком оказался рядом. Его ладонь зажала мне рот. Кольцо скользнуло по губам, и я ощутила вкус крови. Вырваться не получалось – второй рукой мужчина крепко прижал меня к себе, так что даже дышать стало трудно. Над ухом раздалось шипение – кажется, я его рассердила.

Почти сразу стало понятно – почему. Тень раздвинула траву, и на свет вышла собака. Серая, с ключьями плохо вылинявшей шерсти на впалых боках. И небольшая, с мелкую лайку всего. Но мужчина тут же отпихнул меня себе за спину и выхватил меч.

Пес пригнул к земле длинномордую голову. Над степью, смешиваясь с шелестом травы, пролетел предупреждающий рык. И точно такой же послышался справа, слева... Собак, раздвигающих траву, оказалось слишком много.

Вдали виднелся темный холм, возле которого и крутились животные. Павшая лошадь. Значит, сейчас нам будет очень плохо – судя по тому, как кружили собаки, охранять пищевую базу они собирались серьезно.

А мой спутник продолжал держать перед собой меч. Дурак. Будь тут одна или две шавки, у него получилось бы отмахаться. Невысокие, шакальего типа по одиночке они были не опасны. Но не когда их тридцать, да еще сложившаяся стая.

Умирать, особенно так жестоко, не хотелось. И я, проскользнув мимо размахивающего железкой вояки, отправилась договариваться.

Вожак стоял чуть в стороне. Спокойно смотрел по сторонам, делая вид, что не обращает на нас внимания. Он знал – двое людей не проблема для его стаи и угрожать не спешил. У нас появился шанс уйти невредимыми.

Сильный толчок вернул меня за спину незваного защитника. Но резкое движение привлекло внимание альфы. Янтарные глаза уставились прямо в душу.

Адреналин привел в чувство. Голова пришла в норму, но расплавились кости в ногах. Сердце ухало, как жестяное ведро, по которому стучат палкой, а желудок подбирался к самому горлу.

Подобной ситуации я и врагу не могла пожелать, но выхода не оставалось. Еще ни одна собака не выдерживала моего взгляда и, приковывая к себе внимание вожака, я могла только надеяться, что и в этот раз все получится по моему.

Вместе со страхом пришла злость. На шавок, что взяли нас в полукольцо, на парня, что стоял, держа наготове бесполезный меч, на собственных собак, что усакали невесть куда, на Владика, что смешал коктейль, и на себя – за то, что не смогла устоять. Потому что поняла – это не сон. И не белая горячка. Я просто влипла в какую-то очень нехорошую историю. И когда все закончится, кому-то не поздоровится. Кому и когда – еще не представляла, но в том, что отомщу, была уверена.

А вот пес не боялся. Его стая умело смыкала круг. Но я так глупо подышать не собиралась. Гнев захлестнул горячей волной и выплеснулся клокочущим рыком:

– А ну, пшли отсюда, шавки кудлатые! Вот только попробуйте!

Время остановилось. Сердце пропустило один удар, другой... Между мной и псом словно струна натянулась, туго-туго, тронь – отзовется тревожным звоном. Или лопнет, раня обрывками.

Я училась ходить, держась за ошейник родительской овчарки, мячики из пасти вынимала. А потом, едва подросла, вместо детской площадки играла на дрессировочной. Разница между гимнастическим бревном и бумом небольшая, но бум – интереснее.

На десятый день рождения у меня появилась собственная собака. Родители полностью устранились от её воспитания, только контролировали. А я увлеклась кинологическим троеборьем. Правда, через несколько лет клуб наш распался, но навыки никуда не делись.

Мысли текли сплошным потоком, не позволяя ярости заглушить голоса разума. И мой противник отвел взгляд. Чуть-чуть, на миллиметр, но его зрачки уже не цеплялись к моим, не заглядывали в душу. И я не стала давить, уничтожая гордость пса. Мне не нужна победа любой ценой, ноги бы унести...

Я отступала. Медленно, спиной вперед. И молодой человек понял и повторил мои движения. Шаг, другой... Стая медленно, нехотя, но вернулась к прерванной трапезе – нам больше нечего было делить.

Но едва собаки отошли, мой спутник сменил направление – снова направился к туше. Вожак поднял голову. Шерсть на загривке пока лежала спокойно, но вздыбить её и показать оскаленные зубы – секундное дело. И я уперлась:

– Не пойду!

Парень остановился. Перевел взгляд с лошади на вожака, потом на меня. И что-то сказал, указав на тушу. Я не поняла ни слова, но догадалась, что ему что-то там надо. Самоубийца! На такое я не подписывалась.

– Да пойми ты! Нельзя! Они нас пропускают только потому, что мы на их жрачку не претендуем! Подойдешь ближе, и от тебя хорошо, если пара косточек останется! И железка не поможет.

Он не понимал, и тогда я просто уселась на землю. Хочет – пусть топает. А я жить хочу!

Наконец, до парня дошло. Он с тоской поглядел в сторону пирующей стаи и повернул прочь. Правда, сначала поднял меня на ноги, вцепившись в запястье так, что чуть кости не хрустнули.

Сопротивляться не получалось – весу во мне немного, да и рост подкачал. «Мелочь пузатая», шутили родители. И добавляли, что характер мне достался не по размеру. Еще бы! От мамы и папы прозвище звучало совсем не обидно, а вот остальным я спуску не давала!

Вот и теперь характер никак не позволял успокоиться и просто топтать следом за новым знакомцем. Я явно нарывалась на проблемы, но поделаться с этим ничего не могла. Упрямство оказалось даже сильнее благоразумия. Все правила, которым я решила следовать, уже вылетели из головы.

Я упиралась, костеря себя на чем свет стоит. Но мужчина оказался неожиданно терпеливым: просто волок меня за собой, не обращая внимания на крики и безуспешные попытки вырваться. Наконец, я устала и сдалась. И тут же оказалась на свободе.

Бескрайняя степь простиралась от горизонта до горизонта. Вдали туманной дымкой темнели горы. И никого вокруг, кроме сумасшедшего ролевика! Даже попытки найти хоть какие-то следы цивилизации провалились: ни опор ЛЭП, ни самолетов в небе, ни телевизионных антенн в пределах видимости. Даже сотовый телефон не ловил! Я побегала кругами, безуспешно пытаясь поймать сеть. Проклятый сигнал даже не подумал появиться! Зато в глазах моего спутника появилось странное выражение. Он что, принял меня за сумасшедшую?

Но, как оказалось, смотрел он не на меня, а на телефон. Я не смогла бороться и быстро сдалась. Черная коробочка оказалась в руках парня. Он вертел её так и сяк, явно не понимал, что это такое. А я...

Обида накрыла, как девятый вал. Одна, непонятно где, собаки потерялись, еще и ограбили! Слезы хлынули из глаз, и я задыхнулась плачем, попутно стараясь пнуть вора.

Он услышал о себе много нового хотя, как я подозревала, не понял ничего. Но слушал внимательно. А когда я начала драться, просто обхватил и крепко прижал к себе и держал, пока истерика не прекратилась.

Усталость, нервы, слезы... Я заснула прямо в его объятиях, а когда проснулась, уже лежала на земле, заботливо укутанная плащом.

Сам парень стоял возле костра, подняв меч, а на него летела светлая тень. Меня подбросило, словно сквозь тело пропустили ток. В секунду выпутавшись из теплого кокона, я повисла на занесенной для удара руке. И только тогда ноги подкосились – я поняла, как рисковала.

От моего толчка парень оказался на земле. Я упала сверху. А вокруг, наступая на наши руки и ноги, плясали джигу два пса – палевый лабрадор и мощный ротвейлер.

– Тихе вы, шальные! – они даже не подумали послушаться, пришлось применять «тяжелую артиллерию»: – Тааак!

Громко, по нарастающей.

Собаки тут же успокоились, но взвилась я:

– Дашка! Фу!

Парень едва успел отшатнуться от остановившегося в прыжке ротвейлера. А я разозлилась:

– Тебя кто учил перед служебником палками размахивать? Убери её, говорю!

Пришлось сопроводить слова жестами. Парень кивнул, убрал меч. А мне поплохело: я представила, что могло случиться, не проснись я вовремя. Земля больно ударила пятую точку. Девчонки, решив, что игра не окончена, кинулись целоваться.

– Сидеть, заразы!

Две толстых попы плюхнулись на землю, но хвосты продолжали исправно работать. Судя по взгляду маньяка, вид двух послушно сидящих у костра собак произвел на него впечатление. Даже сказал что-то, улыбаясь во все тридцать два. Словно оскал демонстрировал. Ничего,

главное, чтобы ему Дашка свои сорок два не показала. Мне только ЧП с покусами не хватало. Потом от Малахова не отмахиваешься.

– Не понимаю я тебя. Ду ю спик инглиш?

Собеседник ответил удивленным взглядом и забрал плащ. Я немного опешила, но потом успокоилась: у меня есть две собаки, так что неизвестно, кто из нас скорее замерзнет.

Дашка легла с одного бока, Нюта привалилась с другого. Ноги грел костер. Хорошо! Засыпая, я ухватила за хвост угасающую мысль: все это сон, и завтра проснусь в своей кровати.

Надежды мои не оправдались. Первое, что я увидела, открыв глаза – ухмыляющаяся морда Нютки. А вокруг, как и вчера, простиралась бескрайняя степь.

Спина жаловалась каждой мышцей и позвонком – после аварии я спала только на ортопедическом матрасе, жесткие поверхности моментально выключали меня из нормальной жизни. Но, видимо, услышав мой стон, вчерашний знакомец решил быть вежливым и протянул руку, чтобы помочь подняться.

Ох, зря он это сделал! Вчера предупреждала, но кто бы понял!

– Дашка! Фу!

Парень не остался без руки только потому, что я успела отдать команду. Приставать к хозяину поставленного на охрану ротвейлера чревато, а Дариана Свет Очей Моих свое дело знала. Велели охранять – умрет, но выполнит. Хотя гадость всякую в рот тянуть не любит.

Кажется, до тугодума дошло. Парень показал мне фляжку, демонстративно отпил из неё и положил на землю. Сообразительный!

Пить на самом деле хотелось. И умыться. Но воды, кроме непонятной лужи неподалеку, не было. Собаки, не долго думая, сбегали к ней, а Нюта даже искупалась. А я перебирала в уме названия глистогонных препаратов, которыми напою обеих, когда вернемся домой. Если вернемся...

А вот думать о плохом не стоило! Умыться – ладно, переживем. А вот попить надо. Но спина, до этого не позволяющая встать с земли, теперь не разрешала нагнуться.

– Нюта, дай!

Вода оказалась противной на вкус и теплой. Но это была вода. И, пока я жадно глотала, поймала удивленный взгляд парня, брошенный на лабрадора. Он что, никогда не видел, как собака апортирует? Куда я попала?

Теперь, когда жажда не выжигала гортань, проснулся голод. Но еще больше меня терзало беспокойство за собак – их тоже надо чем-то кормить.

– Нюта, ты что там нашла?

Лабрадор не ответил. Собака что-то увлеченно рассматривала в траве, а потом ловко ударила лапой и зачавкала.

Меня как ураганом подняло. Я кинулась к Нюте посмотреть, какую гадость она жрет, а к лабрадору тем временем присоединился ротвейлер. Вскоре обе прыгали и ловили ящериц.

Мой спутник тоже решил перекусить. Уселся прямо на землю и жевал что-то. Я отошла – мама с детства учила, что неприлично смотреть на тех, кто ест, особенно голодными глазами.

Но парень решил и обо мне позаботиться. Косясь на Дашу, протянул мне что-то, завернутое в листья. В свертке лежали два рисовых шарика с каким-то наполнителем. Я узнала морковь, а вот какую зелень использовали, не поняла. Да и неважно было – повар не поскупился на специи. От красного перца снова запекло во рту, и губы словно огнем жгло. Но воды во фляге оставалось мало, пришлось ограничиться парой глотков и радоваться, что собаки сами нашли, что поест: давать им такой острый рис я бы не решилась.

А парень тем временем отряхнул руки и встал.

– Подожди! – окликнула я его, – Давай познакомимся! Тебя как зовут?

Как и предполагалось, он не понял. И я перешла на язык жестов. Ткнула себя в грудь, потом указала по очереди на собак:

– Стелла. Даша. Нюта.

Он молчал, но когда палец почти коснулся его кожаного нагрудника, произнес:

– Ёншин.

Вот и познакомились.

Ёншин решил, что этого вполне достаточно, махнул рукой, приглашая идти за ним, и пошел в даль светлую. Я свистнула собак и заторопилась следом. Остаться одной в незнакомом месте, где даже телефон не ловит, желания не возникло.

Солнце палило нещадно. Я скинула анорак, и снова заслужила изумленный взгляд. Ёншин что, никогда женщин в футболках не видел? И мне тут же стало интересно – а каково ему в своем кожаном панцире? Неужели не жарко? Но начавшееся пёкло быстро отбило малейшее желание думать, и я переключилась на собак – им больше, чем парню, требовалось мое внимание.

И Даша, и Нюта чувствовали себя великолепно. В траве скользили ящерицы, шныряли мыши, так что обе скоро наелись до отвала, а я в тысячный раз возблагодарила небеса и себя за то, что сделала прививки чуть раньше, готовясь к поездке на выставку. Почти год девочки защищены от бешенства, собачьей чумы и энтерита. Если прививку не пробьет. Так что куда больше меня беспокоили иксодовые клещи. В это время года ими тут все кишеть должно!

Телефон исправно показывал, что идем мы уже больше трех часов. Мне, привычной к марш-броскам, которые я называла прогулками, это неудобств не доставляло, но Ёншин явно не собирался делать остановку. И лишь на пятом часу, когда вдаль показалась какая-то растительность, свернул туда.

Небольшое, заросшее порыжелой травой озерцо чистотой не отличалось. Но Ёншин выкопал ямку в земле, и вскоре она наполнилась более-менее прозрачной водой. Я бы еще и прокипятила, особенно, услышав криканье, но парень просто наполнил флягу. И достал из маленькой сумочки на поясе плетеный ремень и камень.

Палец, приложенный к губам, сомнения не оставил – Ёншин просил не шуметь. Я жестом уложила нацелившихся на купание собак и сама присела на землю. Вскоре из кустов к берегу поплыла утка.

Ёншин быстро закрутил ремень над головой. Бросок, и подранок трепыхается на поверхности воды, поднимая кучу брызг. Видимо, удар оказался не так уж и силен – у утки хватило сил спрятаться в камышах.

Ёншин что-то пробормотал, судя по всему – выругался. А я вытянула руку в сторону озера:

– Нюта, дай!

Недаром мы облазили все мало-мальские озерца в пределах доступности! Каждые выходные, в жару и дождь наша пара выходила из дома, вооруженная мешочком с лакомством и дамми. Хорошо натасканному лабрадору не надо объяснять, что делать. Через десять минут Нюта вытащила подбитую утку и подала мне в руки, как и положено.

– Умница! – Я потрепала собаку по голове.

Утка, доставленная в целостности и сохранности, попыталась вырваться. Но я передала её Ёншину, и он быстро свернул птице голову. И кинул тушку мне.

Так мы не договаривались! Нет, ощипать могу, внесу свой вклад в общую трапезу. Но чем потрошить буду? Голыми руками? И ножа у меня не припасено...

Видимо, Ёншин понял мои трудности, потому что отобрал птицу и сам все сделал. И сам же развел костер, я только помогла хворост собрать.

Запах над степью поплыл изумительный! Не знаю, какими травками сдабривал утку Ёншин, но отсутствие соли совсем не замечалось. Ароматное мясо легко распадалось на волокна, и незатейливое блюдо показалось мне вкуснее любого ресторанного. А уж их я попробовала немало.

Правда, мы с Ёншином снова чуть не подрались. Он вздумал кидать кости собакам! Моим избалованным, холеным, племенным сукам – трубчатые кости! Я только представила, что будет, проткни осколок кишечник, и мне снова стало плохо. Обычную рану сумею обработать, даже зашью, а вот полостную операцию провести не смогу, да еще без наркоза.

Но к моим крикам Ёншин отнесся совершенно спокойно. Пожал плечами, и прикармливать собак перестал. Правда, от меня они получили по крохотному кусочку утки. Это была традиция, «дань», как называли это дома.

Вспомнив о доме, я тут же затосковала. И запретила себе вспоминать. Есть настоящее, им и надо сейчас жить. Поэтому, когда Ёншин загасил костер и продолжил путь, я только обрадовалась.

Но вскоре моя радость поутихла – даже привычная к физическим нагрузкам, к такому переходу я оказалась не готова. Ёншин невозмутимо шагал весь остаток дня и вечер, поглядывая по сторонам, и только, когда солнце скрылось за горизонтом, я увидела конечную цель – вдали горели окна небольшого дома.

В темноте я его не разглядела, но когда вошли во двор, заметила, что окна затянуты бумагой, а в стенах много дверей.

Нас встретили у ворот двое мужчин. Они явно обрадовались Ёншину, лица расплылись в улыбках. Для меня и собак нашлись лишь подозрительные взгляды. Но после нескольких слов, брошенных моим спутником, откровенная враждебность сменилась настороженным любопытством.

Кивком велел мне следовать за ним, Ёншин направился в дом. Обувь он оставил на пороге. Меня тоже пригласили, но встретившие нас мужчины возмутились – собаки не желали оставаться одни. Я тоже не горела желанием терять девчонок из виду, и вернулась во двор.

Ёншин раздраженно махнул мне рукой, приказывая подчиниться. Я замотала головой и уселась на землю, обхватив одной рукой Ньюта, другой – Дашу. Понадобится, заночую прямо тут, но больше мы не расстанемся. Я же с ума сойду от беспокойства.

После небольшой перепалки один из мужчин указал мне на строение чуть поодаль. И сам пошел впереди меня, светя квадратным фонариком, подвешенным на палке. Я слишком устала, чтобы спорить и разглядывать окружающее, поэтому отправилась следом, придерживая собак за ошейники.

Оказывается, меня ждал сарай. Справа и слева вдоль стен возвышались заборы из циновок, свернутых в форме мешков. За ними грудой лежала солома. Указав мне на неё, проводник ушел. И фонарь забрал.

Ориентироваться в темноте оказалось не так легко. Щелей в стенах не было, так что даже луна не могла заглянуть внутрь сарая. А двери закрыли.

Ложиться на колючую солому я не решилась. Это даже не сено! Благо, деревянный пол, как я успела заметить, оказался не слишком грязным. Уселась, где стояла, привалившись спиной к мешкам. Собаки устроились рядом и почти сразу захрапели. Но их покой был обманчив. Стоило у двери кому-то завиться, обе были на ногах. Даша вздыбила шерсть на спине, готовая издать утробный рык. А Нюта... Нюта просто бдила.

Вошли двое: женщина и уже знакомый мужчина. В этот раз в его руках было две лампы, и одну он поставил рядом со мной. А женщина принесла небольшой переносной столик с плоскими. Что было в двух, мне не понравилось – словно все объедки туда скинули и перемешали: куриные кости, какая-то зелень... Мои подозрения подтвердились: плоски поставили перед собаками.

– Фу!

Обе, и Нюта, и Даша замерли, глотая слюни. Но даже в голодный год я не кормила собак помоями, особенно, если они включали трубчатые кости. Тем более, что сегодня мои питомцы

до отвала наелись ящериц и мышей. Обе миски вылетели за дверь. Но то, что принесли мне, я приняла с благодарностью.

Суп с овощами и половиной вареного яйца. Какой-то непонятный салат. Кувшин с водой, наливать которую полагалось не в чашку, а в глубокую плошку. И в придачу, вместо вилки мне выдали деревянные палочки.

Азия? Я все-таки в Азии? Но где? Или это все же ролевики изгаляются? Надо выяснить!

Дверь оказалась заперта. За ней мужчина и женщина переговаривались все на том же, непонятном языке. Я постучала. Голоса смолкли, но никто не подошел.

Придется ночевать в заключении. Хорошо еще, кормят!

Но то, что мне принесли, оказалось несъедобным. От первого же глотка супа в глазах потемнело, а по внутренностям словно живой огонь пробежал. Перец! Хорошо, что ложка оказалась не такой, как я привыкла. Грубо вырезанная из дерева, и почти плоская, так что зачерпнуть много не получилось. Это меня и спасло.

Я осторожно попробовала салат. То же самое. Съедобным оказался только рис, но его забыли посолить. И все же это была еда.

Есть рассыпчатый рис палочками я даже и не пыталась. Зато ложка подошла прекрасно.

Но, несмотря на пресный рис, пожар во рту не утихал. А запить как следует я побоялась – кто знает, на сколько меня здесь заперли? Поэтому сделала лишь несколько глотков, дала немного собакам и устроилась на ночлег.

Выспаться не получилось. Жесткий пол оказался не лучше голой земли, в мешках шуршали мыши, а еще меня разбудили на рассвете. Этому, честно говоря, я обрадовалась, все равно снились кошмары.

Женщина проводила меня к колодцу и вручила кусок мягкой от частых стирок ткани. Я с удовольствием напилась и ополоснула лицо и руки. Собаки приплясывали в нетерпении – им тоже пить хотелось.

В этот раз меня кормили на улице. В тени деревьев стоял низкий помост, застеленный циновкой. На ней стояли плошки, миски и мисочки.

Подошел Ёншин. Он явно выпался, в отличии от меня. Улыбался, по крайней мере, вполне довольно. За ним шли оба вчерашних знакомца. Уселись прямо на помост, поджав ноги, и принялись за трапезу.

Женщина толкнула меня в спину, указывая на знакомый маленький столик. Он стоял на земле, а рядом лежала циновка. В этот раз из еды был один рис, зато много. Я честно поделила его с собаками. Не мясо, но кто знает, смогут ли они сегодня поохотиться?

Ёншин внимательно наблюдал. От его взгляда свербило затылок и чесалась спина, но спрятаться я не могла. Он что-то сказал, мужчины ответили смехом. Зато женщина принесла еще риса – и мне, и собакам. Им «накрыли» рядом со мной, заменив миски капустными листьями. Девчонки обрадовались и рису, и зелени, съев и угощение, и сервировку.

Пока завтракала, немного огляделась. Дом на самом деле не походил на те, что я видела раньше. Несмотря на то, что вокруг не было ни одного ручейка, стоял он на сваях, словно хозяева опасались наводнения. Солома на крыше кое-где начала подгнивать, а еще я не заметила ни одной трубы.

В стенах, опоясанных то ли узкой верандой, то ли мостками, дверей оказалось куда больше, чем окон. Словно все комнаты имели свой собственный вход.

Но рассмотреть все как следует мне не дали. Едва я проглотила последнюю ложку риса и запила травяным отваром, хозяйка довольно грубо ткнула меня в плечо, и тут же отскочила с визгом: Даше не понравилось подобное со мной обращение. Огромный ротвейлер напрягся и огласил двор утробным рыком.

– Фу! Лежать!

Собака плюхнулась на землю, продолжая настороженно поглядывать на окружающих, а мужчины о чем-то зашептались. Они махали руками, и иногда повышали голос. Яростно пытались доказать что-то Ёншину. Но тот покачал головой, и все замолчали. Похоже, этот парень главный тут, а ведь мужчины выглядели старше него раза в два.

Привели лошадей. Нюта шаркнулась – она никогда не видела этих животных. Даша же, получив превентивную команду, вела себя тихо. А я насторожилась: что еще за шутки?

Сбруя на животных оказалась мне незнакомой. Уздечка почти стандартная, если не считать множества шерстяных кистей на поводу и налобном ремне, а вот седла... Не спортивные, не строевые, не казацки... Даже не ковбойские! Но, судя по виду, довольно удобные, явно аборигенные.

Мужчины сели верхом, причем Ёншину достался самый нарядный конь. Видимо, действительно он знатная шишка. Один из его спутников, косясь на Дашу, подъехал ко мне поближе и протянул руку, приглашая составить ему компанию. И вот тут мне стало страшно: в последний раз я сидела верхом еще в школьном возрасте, хотя и весьма неплохо, на второй разряд по конкуру напрыгала. Но теперь, после долгого перерыва, да еще на крупе... Я очень сомневалась, что смогу удержаться.

Но мужчины настаивали. Да и женщина, держась подальше от меня и собак, что-то зло прокричала. Остаться с ней не хотелось, и я взяла протянутую руку.

Галоп сменялся шагом, но основным аллюром оставалась рысь. Трястись на крупе, без опоры на стремена удовольствия не доставляло, но вариантов не предлагали. Радовало одно – собаки за лошадьми успевали. Я не уставала хвалить себя за то, что держала их в форме. Правда, охоту им в этот раз пришлось отложить, и у меня начала побаливать голова – я не знала, смогу ли накормить девчонок вечером.

Но, как оказалось, Ёншин обо всем позаботился. Вечером, на привале, он протянул мне три рисовых шарика, кивнув и на собак.

Комочки разваренного зерна с овощами размером не превышали мой кулак. Что это крупным псам? И я добавила к их порции свою. Все же утром меня накормили до отвала. Ну, и отдохнув слегка, Нюта с Дашей все же сумели поохотиться.

Мужчины наблюдали за нами очень внимательно, но не лезли. А я, хоть и устала от дороги, а все-таки сумела задуматься о происходящем: на протяжении всего пути я так и не увидела ни одного признака цивилизации. Даже в том одиноком доме все казалось слишком кустарным. Но не может же быть, чтобы в двадцать первом веке остались уголки, совершенно не подверженные изменениям! Ну хоть ложка должна была найтись! Или во дворе кусок чего-нибудь «полезного в хозяйстве». Разве что... Мысль оказалась настолько неприятной, что я зачихала её в самый темный уголок сознания – я попала к сектантам.

В этот раз спать на голой земле не пришлось, мне дали овчину. Для Ёншина расстелили полосатую шкуру, в которой я признала тигриную. Еще и браконьеры! Но день выдался тяжелым и, подозвав собак, я быстро заснула. И совсем не беспокоилась за собственную честь – Даша бдила даже во сне. Случись что, она даст мне небольшой запас времени.

К счастью, за все путешествие на меня никто не посягал. Я только смертельно устала и мечтала пусть не о ванне, то хотя бы о речке и куске мыла. Тело невероятно чесалось, а одежда пропахла дымом и лошадиным потом. От моих спутников разило не меньше, но неудобств, судя по всему, они не испытывали. А я поняла, что еще немного, и начну сходить с ума.

Страдания закончились на третий день. Степь постепенно сменилась холмистой местностью, и деревья заселили крутые склоны. Лошадям все сложнее приходилось на петляющих тропах, едва видных в камнях и траве, а собаки окончательно сели на голодную диету. Им доставалось лишь немного риса, включая мою вечернюю порцию. Утреннюю я съедала сама, мне тоже нужно было жить. Мужчины смотрели, но ничего не предпринимали.

Солнце придало зеленым верхушкам сосен тот странный золотистый оттенок, что смягчает суровость самого страшного леса. Покрытые мхом камни казались теплыми и мягкими, а может, я просто устала от почти бесконечного пути. Впереди маячила еще одна ночь под открытым небом.

Запах дыма показался чужеродным в этом заповедном месте. Я повела носом – да, ошибки быть не могло, где-то горел костер. И, судя по тому, что запах усиливался, мы направлялись прямо к нему.

Вскоре между деревьев показались постройки. Дом, другой, третий... Грубая смесь камня, дерева и соломы. Словно тот, кто возводил дома не имел представления ни о архитектуре, ни о стиле. Скорее всего, строили из того, что под руку попало.

Первыми навстречу выскочили дети. Чумазы, одетые в латанные-перелатанные одежды, больше похожие на симбиоз просторной рубахи и халата, причем девочек отличали только длинные юбки, замызганные по подолу, да нехитрые украшения в заплетенных волосах. Мальчики тоже носили косы, стянутые шнурками.

Они льнули к Ёншину, и от визгов уши закладывало. Даже Нюта, которая всегда любила веселую возню с детьми, постаралась держаться поближе к лошади, на которой я сидела.

Наконец, меня заметили. Шум стих. Дети начали о чем-то переговариваться, невоспитанно тыкая в мою сторону пальцами. А потом они увидели собак.

Черная Даша вызвала у них настоящий ужас. Да и от улыбающейся во все сорок два Нюты они кинулись врассыпную, хотя лабрадор старательно вилял хвостом так, что казалось, зад оторвется.

Взрослые тоже не горели желанием познакомиться. Они ловко отсекали меня от Ёншина, взяв того в кольцо. Обо мне позаботился тот, за чей пояс я цеплялась все время пути – Туанхо.

Земля больно ударила в бок, вышибая дыхание – мужчина не церемонился, ссаживая меня с лошади. И отдышаться не дал – схватил за плечо, вздернул на ноги, и тут же отскочил от подлетевшей Даши.

Её рык вызвал переполох. Мужчины развернулись к нам, кое у кого в руках появились палки и ножи, а я не могла даже слова сказать, так приложило о землю.

Но жестов мои девочки слушались так же хорошо, как и слов. Даша, не сводя настороженного взгляда с Туанхо, уселась у левой ноги. Она то и дело облизывалась, вызывая ропот. Откуда же людям, далеким от собаководства знать, что это – лишь признак волнения?

Толпу успокоил Ёншин. Он что-то сказал, и все повернулись к нему, а потом слышались смешки. Похоже, что надо мной, но мне без разницы, лишь бы собак не трогали.

А Туанхо уже показывал мне на единственную улицу, ведущую вглубь деревни. Пришлось идти следом, удаляясь от Ёншина, который худо-бедно решал мои мелкие проблемы и не давал особо издеваться. Зато теперь получилось спокойно осмотреться.

Дома здесь, в большинстве своем, дворов не имели. Невысокие глинобитные строения, крытые соломенными снопами. Кое-где виднелась тесовая черепица, но такие дома уже прятались за оградой, сложенной из скрепленных глиной камней.

Почти у каждого входа стоял невысокий помост, вроде того, на котором завтракали мужчины в степном доме. На некоторых лежали какие-то вещи, но в основном – корзины с травами и овощи, словно женщины только что бросили готовить. Похоже, так и было, приезд Ёншина вызвал ажиотаж.

За домами виднелись еще строения. От жилых их отличала форма – длинные, приземистые, с дверьми из неструганных досок. Туанхо открыл одну и жестом велел мне зайти. Вместе с собаками. Сопротивляться смысла не было, и я послушно уселась на рассыпанную по полу солому. Заскрипели не смазанные петли, и мы с собаками остались одни.

Света в этот раз оказалось достаточно, чтобы осмотреться. Он проникал в щели, плотник явно ленился, когда навешивал дверь.

Крохотное, примерно два на два метра пустое помещение. Глина на стенах кое-где отвалилась, открывая сплетенный из прутьев остов. В качестве украшений в сарае висели гирлянды из соломенных корзин, конусовидных шляп и чего-то, похожего на дырявые лапти. Материал в избытке валялся на полу, так что сидеть оказалось очень колко. Я сгребла соломинки в сторону, освобождая себе место, и задумалась.

Увиденное мало напоминало сектантскую деревню. Слишком естественно они себя вели, хотя кто их, азиатов, поймет. Но выводы все равно напрашивались ужасающие. Судя по всему, я стала героиней фэнтезийной книги. Бред, но... это объяснение казалось единственно реальным. Кошмар! Я – попаданка!

Все же верить в собственное безумие не хотелось. Я еще раз ущипнула себя. Болью отзывалась не только рука, но и ушибленный бок. Сказки-сказками, а реальность не лучше: я непонятно где, непонятно с кем, и что со мной будет – тоже непонятно. Ясно только одно: придется нелегко. Но я обязана выжить любой ценой и вернуться домой. Вместе со своими собаками, разумеется. Оставлять хоть одну из них в этом мире я не желала.

Кто-то встал за дверью, перекрывая садищемуся солнцу доступ в сарай. Я повернула голову, вглядываясь. Тень с визгом и смехом кинулась прочь.

Дети. Любопытство у них идет в одном ряду с безбашенностью. Я – чужая в их мире, а значит, интересна. Уверена, взрослые строго-настрого запретили им приближаться к сараю. Но жить по указке, это же так скучно! В памяти тут же всплыли собственные проказы. О многих родители так и не узнали. А теперь не узнают никогда, даже если выберусь. И маму, и отца унесла три года назад авария – пьяный водитель влетел в автобусную остановку. Тяжко мне тогда пришлось... Гораздо труднее, чем сейчас.

Мысль о том, что хуже уже не будет, придала сил. И, дождавшись, когда к двери снова подойдут любопытные, я направилась прямо к ним.

Застонал засов. На пороге стоял Туанхо.

Жест, приказывающий выходить, понятен и без переводчика. Я скомандовала собакам «рядом» и шагнула наружу.

Возле сарая собралась небольшая толпа. Почти такая же, что встречала нас по приезду. Женщины, мужчины и дети разглядывали меня без стеснения, тыкая пальцами и громко переговариваясь. Особого внимания удостоились собаки. Они словно прилипли к моей левой ноге, Нюта – ближе, Даша – чуть дальше. Как и положено по нормативу.

Туанхо что-то недовольно сказал любопытным. Те нехотя стали расходиться. Осталось лишь несколько мужчин, да вездесущие дети. На них мой охранник не обратил никакого внимания.

Место, куда он меня привел, с натяжкой можно было назвать «общей кухней на открытом воздухе». Под навесом стояли грубо сколоченные столы с посудой, чуть поодаль – уже знакомые мне помосты. На них, на циновках, лежали овощи, зерно и птичьи тушки. Я узнала курицу и утку. Происхождение остальных кусков мяса осталось мне неизвестным.

Чуть в стороне дымилась глинобитная печь с вмурованным казаном. Женщины время от времени помешивали варево, кидая на меня недовольные взгляды. Их смущали собаки.

Девчонки вели себя прилично. Только носы раздувались от вкусных запахов. Но позволить себе стащить хоть кусочек не могла ни одна. Только слюни пускали. Я их понимала – сегодня собаки обошлись без еды, только немного помышковали во время дневной остановки.

Туанхо переводил взгляд с Нюты на Дашу и обратно. Удивленно покачал головой, потом хмыкнул. И что-то велел одной из женщин. Судя по тому, с каким уважением поглядывали на неё остальные, она здесь всем и заправляла.

Недовольно бурча, она принесла две щербатые плоски. И махнула рукой на котел.

Туанхо ободряюще улыбнулся. Женщина, следящая за ужином, протянула мне ложку.

Суп. Острый, как свежезаточенный охотничий нож! Слезы брызнули из глаз, мешая видеть. За спиной раздался дружный хохот. Но, едва я проморгалась, мне поднесли новую порцию угощения.

Каша. Только вместо риса какое-то другое зерно. Я посмотрела на девчонок и попробовала. Слегка соленая, но без специй. Я съела и оглянулась на Туанхо, не понимая смысла всей этой дегустации. А он указал сначала на ложку, потом на собак. Неужели запомнил, как я выбросила объедки?

Выбирать не приходилось, но сажать хищников на зерновой рацион нельзя. День-два еще куда ни шло, но кто знает, насколько все затянется? И я ткнула пальцем сначала в Ньюту, потом в Дашу... и указала на кусок мяса.

Женщины возмущенно загалдели. А Туанхо просто покачал головой и снова указал на кашу. Пришлось смириться. Правда, я не знала, как она усвоится. Не рис и не гречка все же. К счастью, к каше добавили чуточку какого-то растительного масла, и собаки, наконец, смогли хоть так, но поесть. А у меня появилась новая головная боль: если им станет плохо, а нас снова запрут в сарае, что мне делать?

Накормили собак, накормили и меня. Правда, в миске, кроме каши, оказалось еще несколько салатов из маринованных овощей и зелень. Девушка, которая принесла еду, pokrутила рукой, советуя все перемешать, но устраивать в тарелке кишмиш желания не возникло.

Полная тарелка относительно вкусной, хотя и непривычной еды, вдоволь воды... Что еще нужно было для счастья? Разве что, возвращения домой. Но этого мне никто не предлагал.

В этот раз дверь сарая запирают не стали и отдали всю ту же овчину, с которой я сроднилась за время путешествия. Она пахла дымом и конским потом, но вонь московского метро в летние часы пик куда ядрёней. Соломы хватило, чтобы устроить из неё удобное ложе – от колких стеблей теперь защищала шкура. Устроившись поудобнее я спокойно улеглась под охраной Даши. Ньюта служила грелкой, ночи здесь стояли прохладные, а овчины не хватало, чтобы завернуться целиком.

Разбудило меня рычание. Даша щерилась, глядя на мелькающие за дверью тени.

– Тихо!

Бурчание прекратилось. Но как только любопытные поняли, что я выхожу, бросились прочь с веселыми визгами. Опять детишки любопытствуют!

Телефон сел давно и окончательно, так что я даже не представляла, который час. Но, судя по тому, что собаки вели себя спокойно, время утренней прогулки только подходило. А это около семи утра. Они здесь всегда так рано поднимаются?

Выгуливать собак в пределах деревни казалось неправильным, и последовала редкая, но очень важная для моих девочек команда: «Терпеть». Она не раз спасала нас в дороге, когда приходилось останавливаться в гостиницах. Я спокойно доводила собак до разрешенного места и не волновалась за чистоту. Вот и теперь направилась за околицу, отпустить собак в свободный полет.

У последнего дома меня остановили. Мужчина, одетый в потрепанную, но чистую одежду, преградил мне путь, выставив вперед руку с зажатым в мечом. Даша насторожилась, я жестом её успокоила и попыталась договориться. Бесполезно. И я просто взмахнула рукой, отпуская собак в свободный полет. Далеко не убегут, но хоть разомнутся.

Мужчина запаниковал, когда мимо него пронеслись два собачьих силуэта. Он заметался, не зная, что делать – отлавливать их, или задерживать меня. А я демонстративно уселась на камень и наблюдала, как мои девочки обнюхивают все вокруг.

Видимо, мое спокойствие подействовало и на мужчину. Он прекратил нервно озираться и замер рядом со мной. Но его правая рука лежала на рукояти длинного прямого меча с круглой цубой. Я таких не видела. Даже в фильмах про самураев катаны имели изгиб. А здесь – словно

палка. Сходство усиливали простые ножны. Их не то, что не покрыли лаком, или не обтянули кожей, а даже и не покрасили.

Заметив мое внимание к оружию, мужчина насупился и удвоил бдительность. Мне стало смешно: он что, на самом деле меня боится? Я же против него и трех минут не выдержу, хотя... у меня имелось тайное оружие – Даша. Эта даст мне довольно времени для побега. Но оставляю ли я её на смерть, уже другой вопрос.

Довольно быстро моему церберу надоело стоять без дела и бдить. И он неосторожно ткнул меня в спину, кивком приказывая возвращаться. Я не оглядываясь рывкнула:

– Даша, стоять! – и с облегчением услышала, как собака затормозила всеми четырьмя лапами.

Её, конечно, занесло, но разбираться с покусанным аборигеном в мои планы не входило. Как и хоронить насаженную на меч собаку – мужчина, судя по всему, управлялся с ним ловко. Поэтому испытывать его терпение больше не стоило.

– Ко мне!

Собаки послушались беспрекословно. Подтвердив команду хлопком ладони по бедру, я отправилась назад, в ставшим привычным сарай. Там нас уже ждали две стоящие на земле миски с кашей, и низкий столик с несколькими плошками. Та же, что и вчера, каша, и несколько острых салатов. Поскольку воды оказалось вдоволь, я решила съесть все. И не пожалела – маринованные овощи местным хозяевам удавались. Но зачем они прячут их вкус за невообразимым жаром красного перца-чили, я так и не поняла.

Едва я позавтракала, появился Туанхо со связкой веревок. Кинул их мне под ноги и показал на собак, потом на дерево, раскинувшееся рядом с сараем. Просит привязать? Я подчинилась, но и сама устроилась тут же, на земле – оставлять собак хоть на минутку без присмотра, да еще лишенных свободы передвижения, не рискнула.

Туанхо хмыкнул и ушел по делам. А я задумалась.

Почти все мужчины, которых я видела, носили оружие. В основном, прямые мечи, как тот, что я успела рассмотреть у воина на границе деревни. Попадались и изогнутые, и копия с длинными, на треть древка, наконечниками. И нагинаты... Я что, попала в деревню воинов? Или это оппозиция, сиречь, разбойники, поставленные вне закона? На классических, знакомых мне по книгам бандитов, они не походили, слишком уж спокойным и налаженным казался быт: никаких драк, пьяных оргий и прочих излишеств. О детях явно заботятся, женщины не выглядят зашуганными рабынями, скорее – члены общины. Да и Ёншин выглядел очень прилично. Загадка. Но для того, чтобы вернуться домой, мне придется её решить.

От дум меня отвлек молодой парень. Держа наготове меч, он взмахами руки звал меня за собой.

– Куда? – машинально поинтересовалась я, не надеясь, что меня поймут.

В ответ он бросил несколько слов, среди которых четко прозвучало имя Ёншина. Значит, он зовет?

Судя по тому, что собак велели привязать, ходить им без привязи не стоило. Но оставлять девчонок одних я не осмелилась. Отвязала и, используя веревки вместо поводков, направилась в указанном направлении. Парень попытался протестовать, но я просто прошла мимо: у меня тоже есть принципы.

А вот прорваться мимо кольца мужчин, охраняющих дом Ёншина, оказалось не так просто. Все мои попытки пройти во двор с собаками, наткнулись на пассивное сопротивление. Пока один из телохранителей не перешел к активной обороне: вырвал у меня из рук веревки.

Взревела Даша. Зашуршал вылетающий из деревянных ножен меч. Солнечный зайчик прыгнул мне в глаза, оттолкнувшись от лезвия. Все, как в замедленной съемке. К счастью, адреналин успел пробежать по венам, заставляя вскипеть кровь.

– Даша, ФУ!

Я сграбастала полновесного ротвейлера так, словно он весил не больше чихуахуа и вернулась, подставляя врагу спину. Послышался чей-то вскрик, заголосила женщина, завопил ребенок... Боль разлилась по телу, заставляя разжать руки. Земля больно ударила в бок, и в уши ворвался протяжный собачий вой.

Шея затекла. Я заснула на животе? Неудобно. Но попытка перевернуться обернулась кошмаром. В спину словно десяток ножей воткнули и насыпали в раны угли. В панике я попыталась вскочить, но кто-то тяжелый навалился на ноги и плечи. Гортанные выкрики на незнакомом языке смешались с собачьим ревом.

Дашка! Это она орет! Что-то случилось!

И только теперь я распахнула глаза.

Квадратная комната, залитая светом. Вдоль стен выстроились полки и что-то, напоминающее низкие комодики с множеством отделений. Узкая дверь нараспашку. Сквозь проем то и дело вбегают и выбегают женщины.

Непонятная вонь немного прояснила голову, и я вспомнила, что произошло. Дашка! Жива ли? Я снова рванулась, но держали меня крепко.

– Отпусти! – я скосила глаза.

Меня положили прямо на пол, на довольно тонкий матрас, который ничуть не смягчал жесткость пола. И укрыли одеялом. Вот на это одеяло и навалился Туанхо, мешая мне встать. Боль в спине мешала больше, но с ней можно договориться, ведь там, за стеной, плачет моя собака!

Туанхо не понял, или не захотел понять. Я перестала биться и замолчала, стараясь не отводить глаз от его лица. Получалось плохо – поза мешала. Да еще эта боль... Голова кружилась, я словно падала в какую-то бездонную пропасть, и одновременно лежала на полу в крохотной комнатенке.

Неожиданно хватка ослабла. Сильные руки подхватили меня вместе с одеялом и осторожно усадили. У губ оказалась ложка с какой-то коричневой жидкостью. Я не торопилась пить, и деревянный край больно ткнул в рот. Пришлось глотать.

Горечь заставила передернуться всем телом. Во рту словно горькая смола навязла, язык скрутило в трубочку. А мне уже подносили новую порцию. Я посмотрела на того, кто заставлял меня пить такую гадость.

Пожилая женщина сидела прямо на полу. Широкая юбка грязно-серого цвета образовала вокруг неё своего рода круг, пересечь границы которого, не наступив на ткань, было невозможно. Такого же темного цвета запашную кофту подхватывал ярко-синий пояс, расшитый белым и голубым.

В тон ему были и украшения в волосах – синие и белые деревянные шпильки. Они удерживали толстую косу, затейливо закрученную вокруг головы. Черный цвет волос наводил мысль о шиньоне, тем более, что в пышной челке уже блестели седые пряди.

От взгляда женщины веяло таким теплом, что я машинально проглотила лекарство. А моя сиделка, словно не замечая, как меня выкручивает, снова и снова подносила мне его. И только, когда в глиняной чашке осталось меньше половины, оставила меня в покое.

Туанхо уложил меня обратно на матрас. В этот раз его руки оказались неожиданно нежными – даже рана на спине почти не беспокоила, пока меня устраивали поудобнее. Но лежать я не собиралась:

– Собаки! Даша!

Уже то, что она осталась в живых, радовало невероятно. Но кто знает, сколько жители деревни будут выносить её вопли? Да и успокоить собак требовалось. И накормить – сколько я так провалялась в беспамятстве? А у чужого они еду не возьмут.

Похоже, Туанхо догадался, чего я хочу. А возможно, и понял – во время пути не раз слышал, как я зову девчонок. Но вместо того, чтобы помочь встать, он распахнул дверь пошире, так, чтобы я могла увидеть двор.

К дереву, которые здесь росли почти у каждого дома, на палках были привязаны Нюта и Даша. Ну, с Нютой понятно, но как они Дашку умудрились так прикрутить?

– А ну, ТИХО!

От моего вопля сидящая рядом со мной женщина вздрогнула и выронила чашку. Туанхо посмотрел так, что я испугалась, не вылетят ли у него глаза из орбит. Да и саму скрутило от боли.

Но собаки слышали знакомый голос и знакомую команду. И успокоились. Правда, из всех сил стали высматривать, куда я спряталась. Теперь мне предстояло до них добраться.

Это оказалось нелегким делом. На крик ушли последние силы, да и сиделка моя всполошилась. Повинуясь ей, Туанхо снова помешал мне встать.

Да что это такое! Я возмутилась. И заставила себя успокоиться – нервы никогда не помогали решить проблему. «Спокойствие! Только спокойствие!» – девиз не только «красивого мужчины в самом расцвете сил», но и любого собачника. И я решила действовать аккуратно, но настойчиво. В конце-концов, раз меня лечат, а Дашку не убили, значит, мы им зачем-то нужны?

Я повернулась к Туанхо и сделала жест, словно я ем. А потом ткнула пальцем в собак:

– Нюта? Даша?

Он понял. Что-то сказал, и через несколько минут мне принесли две миски с кашей. Я вздохнула: собакам без мяса... Как бы объяснить? Но в голову ничего не приходило, и я просто кивнула, подтверждая, что это собакам можно.

– Нюта! Даша! – привлекла я внимание собак, – Лежать!

Они выполнили приказ, и парнишка, которому вручили миски, смог спокойно поставить их на землю. Как только он отошел, я скомандовала:

– Можно!

Они на самом деле проголодались. Каша исчезла в мгновение ока и, успокоившись, сытые собаки улеглись под деревом. Привязь их беспокоила, но они слышали мой голос, а значит, все было в порядке.

Но не для меня. Собаки на привязи, в окружении незнакомых людей... Подходи, кто хочешь, делай, что хочешь. Дашка то за себя постоит, а вот Нюта... Лабрадора можно на части резать, шкуру с живого снимать, а он лишь хвостом вилять будет. И я настойчиво поползла к выходу.

Женщина всполошилась. А Туанхо махнул рукой, что-то ей сказал и подхватил меня на руки. Через несколько минут я оказалась во дворе, на низком помосте, который стоял тут же, у дерева. Одеядо сползло, и оказалось, что меня переодели.

Широкая юбка темно-синего цвета и простая кофта, подхваченная синим поясом. На ногах – что-то, похожее на носки, только сшитое из грубой ткани – здесь все в таких ходили. А сверху обычно обували те самые плетеные из соломы дырчатые лапти, подхваченные веревками на лодыжках. Только кое-кто из мужчин носил кожаные сапоги, или что-то вроде ботинок с крагами.

Мне, видимо, обуви не полагалось. Зато на этот помост принесли мой матрас и подушку, больше напоминающую квадратный валик. И кувшин с водой.

Девочек отвязали. Причем сделали это оригинально: просто перерезали веревки возле шеи, и отскочили. Но собакам было не до чужаков – они увидели меня!

Их безудержное веселье грозило мне новыми травмами.

– Тише!

Они сбавили обороты, и ко мне подошли уже спокойно, только попы крутились так, что собаки чуть не пополам складывались. Пока я здоровалась, в сарае, который стал мне почти домом, началась суета.

Оттуда выносили сено. Женщины убирали паутину со стен, выметали мусор. Потом внутрь занесли небольшой сундук, матрас и одеяло. Похоже, меня решили поселить как человека!

Туанхо жестом пояснил, что собирается взять меня на руки. Я кивнула, и Даша осталась сидеть на месте. Только подозрительно носом повела. Но Туанхо на всякий случай обошел её по дуге.

Как только я оказалась внутри, позвала собак. Они примчались и устроились на полу, рядом с матрасом. А я огляделась.

Помещение изменилось. Исчезли связки соломенных поделок со стен, пол щерился кривыми досками, но стал чистым. В углу пристроился тот самый сундук. Я дотянулась до него рукой. Деревянный остов оказался оклеен то ли цветастой тканью, то ли бумагой. Непонятный материал.

На крышке сундука выстроились несколько плошек, кувшин с водой и чашка. У стены расположился низкий столик, на котором мне еду приносили. Что же, жить можно.

И хотя я практически ничего не сделала, усталость накатила тошнотворной волной. Я улеглась и закрыла глаза. Убивать ни меня, ни девчонок явно не планировали, так нечего и нервничать.

Дни текли однообразной чередой. Трижды в день мое одиночество нарушала Соно, та пожилая женщина. Она приносила еду и лекарства. Для собак тоже находилась каша, но меня все сильнее беспокоило отсутствие мяса – сколько они еще продержатся на таком рационе? Доползти до леса, чтобы отпустить девочек ловить мышей, сил не хватало.

Зато от детей отбоя не было. Они то и дело пробегали мимо сарая, не забывая кинуть взгляд в открытую дверь, пока Соно не заругалась, и на проем не повесили соломенную циновку. Но лежать в полумраке оказалось совсем тошно, и я начала выползать на улицу, на помост. Довольно скоро я узнала и его название – пхенсан.

Наблюдать за деревней оказалось интересно. Она просыпалась на рассвете. Женщины разжигали очаги в той общей кухне и начинали готовить. Завтрак состоял из каши на воде. Судя по всему, рис смешивали с ячменем, но точно я сказать не решалась. К основному блюду полагались закуски – что-нибудь маринованное: редис, капуста или дикий чеснок. Но чаще я не могла распознать, какую именно траву кладут мне на тарелку. Острые до невозможности закуски пользовались успехом, я же ела их весьма умеренно – тушить пожар в желудке приходилось большим количеством воды.

Так же здесь уважали зеленый чай. Но он был редкостью, чаще пили просто отвар трав, иногда – с медом. Но сладость обычно отдавали детям и больным. Так, мне обязательно приносили пару ложек, чему я была безмерно благодарна – без сахара мне приходилось трудно.

После все расходились по своим делам. Женщины занимались хозяйством, некоторые, вооружившись корзинами и коробами, уходили в лес. Возвращались к обеду, таща на себе килограммы зелени. И тут же садились за переработку: увязывали в пучки, измельчали, сушили, мариновали... Девочки принимали во всем посильное участие.

А мужчины... Вот тут все было куда интереснее!

Мужчины делились на отряды. Треть уходила в лес, как я скоро поняла – на охоту. Треть отправлялась за древесиной, где я еще во время прогулок заметила клочки возделанной земли – огороды. А оставшиеся... Последняя часть мужчин шла на площадь, как я прозвала пустое место в центре деревни. И там, под руководством Ёншина или Туанхо, занимались... военной подготовкой! Они стреляли из луков, крутили копья, дрались на мечах и палках, сходились в

рукопашную... Я специально доковыляла до места, откуда хорошо просматривалась площадь, хотя от боли кричать хотелось. Но знать, чем живут эти люди, казалось важнее.

Пожилые люди тоже без дела не сидели. Женщины шили или ткали прямо на улице, под навесами, старики, кто мог передвигаться сам, звали детей и уходили за дровами, их много требовалось.

Меня не трогали. Еду приносили исправно. Показали, где можно набрать воды, а где – помыться. Вместо бани здесь использовали небольшой домик с чанами, вмонтированными в глинобитный пол. Очаг находился снаружи, так что вода грелась с самого утра, и дежурный смотрел, чтобы её хватило всем желающим. Холодную приносили сами.

В глиняных горшочках стояли разведенные щелок и зола, а так же бурая вонючая масса, оказавшаяся самодельным мылом. Отдушками здесь не баловались, да и вместо мочалок использовали тряпочки.

Но эти мелкие неудобства не шли ни в какое сравнение с тем, что я наконец-то смогла нормально помыться! Жизнь сразу перестала казаться такой мрачной.

Несмотря на боль, постепенно я начала добираться до околицы. Собаки вовсю мышковали, а я думала, где я буду доставать вакцину от бешенства, когда срок действия прививок закончится. Надежда на то, что домой вернусь в ближайшее время, таяла с каждым днем.

И это заставило меня явиться на «кухню». Женщины как раз разделявали кроликов, которых им принесли детишки – каждый день они ставили силки. Требуха летела в корзины. Я тут же заинтересовалась, могу ли забрать отходы.

Женщины не сразу поняли, чего я хочу. А потом закивали и с интересом наблюдали, как я тащу добычу к своему сараю. Там, на улице, стояли миски моих собак, я держала их в чистоте, в отличие от чашек местных псов, те мылись едва ли не единожды в год.

Девчонки оказались безмерно рады угощению. Требуха исчезла в мгновение ока, а я радовалась, что нашла источник белка для них. Главным теперь было не пропустить следующих кроликов. И кур. Их забивали ежедневно, чтобы приготовить ужин для Ёншина и его ближайших воинов. Правда, мужчины почти все отдавали детям, но то, с какой заботой и почтением жители деревни относились к молодому человеку, наводило на определенные мысли.

Вскоре они получили подтверждение.

В этот раз Ёншин не стал рисковать, затаскивая меня в свой дом, явился сам. Туанхо развернул на пхенсане свиток и указал мне на него. Я вгляделась в плавные линии рисунка.

Эта карта больше смахивала на схему. Перевернутые галочки гор, кудряшки леса, вместо городов и деревень – стилизованные домики и ворота. Между ними вились реки и дороги. Интересный вид творчества, но ничего знакомого!

Я покачала головой и раскинула руки. Потом указала на карту и сблизила ладони так, что между ними едва ли сантиметр остался. Они поняли мою пантомиму. Туанхо что-то сказал сопровождающему их мужчине, и тот вскоре принес охапку свитков.

Они показывали мне их один за другим. Я браковала все. Потом не выдержала, начала сама раскладывать, составляя большую карту. Вскоре взгляду предстала география места, в которое меня занесло. Увы, ни одной ниточки железной дороги, ни штриха электролинии... Ничего, что указывало бы на цивилизацию в том виде, какой был мне привычен. Ноги подкосились, Ёншин едва успел меня подхватить и усадить на пхенсан. А я боялась оглядеться и спрятала лицо в ладони. Но на отчаяние времени не было – со мной были собаки, я отвечала за них. Впереди меня ждало очень много работы.

Для начала следовало выяснить, что я могу делать. Навыки жизни в городе мало подходили для местных условий. Частые походы приучили меня к аскетизму и привили необходимые для выживания навыки. Так, разжечь костер с двух спичек без бумаги и приготовление еды на огне сложности не представляли. Я даже постирать могла, используя вместо мыла песок! Но

все мои знания казались такой малостью по сравнению с умениями местных женщин! Значит, придется учиться.

– Нюта, подай! – я указала на палку, которую использовала вместо клюки.

До пхенсана меня провожал Туанхо, и она осталась стоять у двери.

Лабрадор, заскучавший без работы, радостно выполнил приказ. А я услышала восхищенный вздох.

Девчушка смотрела на Нюту, широко раскрыв рот. Ёншин и Туанхо, которые уже отошли, тоже повернулись на звук. А я решила развлечь ребенка. Все равно делать нечего, да и собаки закисли без занятий.

Комплекс сидеть-лежать-стоять-зайка привел малышку в восторг. Она завизжала и захлопала в ладоши, отчего на представление сбежались остальные дети. Я повторила незатейливые команды, только теперь в паре. Две собаки, синхронно встающие, садящиеся, «умирающие» выглядели эффектно. Дети – они везде дети, им для радости немного надо.

Так же Нюта принесла корзинку и подала мне в руки. Я оглянулась на зрителей – взрослые тоже подтянулись. Но для них у меня были другие фокусы, и я оставила их на потом. Да и общее представление пора было заканчивать, чтобы хоть что-то новенькое на вечер оставить.

После захода солнца, когда заканчивались все дневные заботы, селяне собирались на площади. Расставляли длинные столы – доски на козлах, скамейки, и ужин проходил в приятной обстановке.

Мужчины и женщины пели по очереди, или играли на музыкальных инструментах – чаще всего на свирелях или деревянных флейтах. Барабанщики мелкой дробью рассыпали ритм, и молодежь устраивала танцы.

Сегодня развлекать присутствующих пришла наша очередь.

Парный комплекс вызвал одобрительные возгласы. Я усложнила задачу – стала подавать команды жестами. Собаки в полной тишине ложились, садились, делали зайку... А потом я подозвала Нюту, усадила её на задние лапы и положила на нос крохотный кусочек пирога. Собака замерла. Застыли и зрители.

– Раз, два, три... – начала я отсчет.

На «десять» подала сигнал, Нюта эффектно подкинула угощение в воздух и поймала на лету. Этот нехитрый трюк вызвал восторженный шквал. И мужчины, и женщины начали протягивать собаке куски, стараясь положить на нос, но перехитрить лабрадора ни у кого не получилось – собака просто отстранялась так, что угощение попадало прямо в рот. Люди смеялись, и угощали её снова.

Даша сиротливо сидела в сторонке, то и дело облизываясь. Я подозвала её и подняла кулак:

– Считай! – и выставила один палец. Потом другой.

Даша пролаяла ровно пять раз. И получила свой кусок.

По толпе прокатился шепоток. Люди о чем-то переговаривались, кивая на ротвейлера. А потом вперед шагнул самый первый и протянул кулак.

– Даша, считай! – подержала я игру.

Они не замечали моих коротких сигналов, после которых раздавалось звонкое «гав». И, похоже, мои собаки в этот вечер завоевали себе особый статус, потому что утром в чашках, вместо ячменной каши, лежал рис. И по кусочку настоящего мяса вместо требухи, пусть и вяленого. Жизнь налаживалась.

С того дня возле моего сарайчика постоянно крутились ребяташки. А я, немного поправившись, начала ходить с ними в лес – кто лучше расскажет какие съедобные корешки здесь растут, и какую траву есть можно, как не те, кто это с детства знает? Заодно начала учить язык. Ребята охотно помогали, смеясь над моими неуклюжими попытками произносить слова правильно.

Вообще, в деревне все старались приносить пользу. Даже самые маленькие из всех сил помогали старшим – хворост соберут за околлицей, не заходя далеко в лес, птицу покормят, освобождая матери время на другие заботы.

Ребята постарше работали почти наравне со взрослыми. Сбор дров и трав в основном был их обязанностью. И стариков. Те еще и учили несмышленных, как правильно рубить, какое дерево подойдет на растопку, а какое – нет.

Мальчишки ставили силки на мелкую живность, да рыбачили. В нескольких километрах от деревни спрятался в чаще лесной пруд. Его берега заросли рогозом и камышом, в котором гнездились утки. Время гнездования уже прошло, и ребята старательно охотились, используя не только луки и стрелы, но и пращи.

Я пару раз ради любопытства покрутила ремень. Спина отдалась болью, и я отложила оружие до лучших времен. Но к озеру ходила.

Подранки забивались в камыши, так что ребятам приходилось бродить там, по пояс в воде, рискуя напороться на корягу или еще какую гадость. Да и поиск часто заканчивался неудачей – юркие утки успевали или удрать, или ныряли прямо перед ловцом.

И тут пригодилась Нюта. Она шарила по зарослям, вытаскивая одну утку за другой. Подранки, или тушки – ей было все равно. Хозяйка велела: «ищи». И она искала.

В этот день мы вернулись с хорошей добычей. Женщины ахали, а мальчишки взахлеб рассказывали об охоте. Судя по жестам, львиная доля внимания уделялась как раз Нюте.

С той поры мы всю осень провели на озере – делали запасы на зиму. Мясо вялили и сушили, соль берегли, используя для маринования в основном красный перец.

Норму мяса в рационе свели почти на нет. Зато собаки отъедались – вся требуха отдавалась им. Люди уже не шарахались от моих девочек, а на Нюту посматривали с уважением – те собаки, которых брали с собой охотники, хоть и помогали выследить оленей или кабанов, а апорт по приказу не приносили. Да и считать не умели. Редкий вечер теперь обходился без этого трюка. Зато я сама очень быстро научилась считать на местном языке. Гораздо быстрее, чем выучила имена прилипших ко мне ребятешек.

Постепенно осень завоевала и лес. Спать в сарае становилось все холоднее. Соно принесла мне теплое одеяло. Несколько слоев толстых циновок закрыли пол, немного спасая от сквозняка. Но когда утром пришлось разбивать в корчаге ледяную корку, чтобы умыться, явился Туанхо.

Я едва поняла, что он мне говорил. Но мужчина сопровождал каждое слово жестом, так что до меня дошло: он предлагает мне перебраться в общий дом. А собакам сделать «маленькие домики» – будки.

За лабрадора я не беспокоилась. Нюта нарастила хороший подшерсток, так что смогла бы спать и в сугробе. А вот ротвейлеру такая уличная жизнь могла принести много проблем. Но за их жизнь я больше не беспокоилась, никому в деревне не пришло бы и в голову обидеть моих девочек, да и будки предлагали поставить не на задворках, где обитали другие собаки, а поближе к дому, туда, где располагалась система отопления – наружный очаг. И я согласилась – в сарае все тепло уходило сквозь щели, даже надыхать не получалось.

Будки девочкам делали очень старательно. Плотник то и дело подзывал меня и чертил на земле планы. Я соглашалась, или стирала его линии и рисовала свои. Так что жилища получились на славу: с двумя «комнатами», оббитые сверху циновками от сквозняка. На вход я прибила куски шкур – «двери».

И Нюта, и Даша прежде нередко ночевали отдельно от меня, поэтому переезд восприняли спокойно. Привязывать их необходимости не возникло, команда «место» действовала куда надежнее. Да и не решилась я их привязывать, мало ли что – пожар, наводнение, землетрясение... Я хотела, чтобы девчонки сразу примчались на мой зов, а не тратили время на перегрызание веревок. А сажать их «на палку» у меня и мысли не возникло.

Мне тоже понравилась выделенная комната. Двери в ней открывались сразу на улицу, но внутри стояла жаровня. Кроме неё в крохотной, метров на девять, комнатке поместился только узкий сундук, на крышке которого сложили мои матрас и одеяло, да комодик размером с телевизор. В крохотных отсеках могли поместиться разве что принадлежности для шитья. А шить я как раз не умела. Нет, заплатку поставить, или по шву сметать я могла. Но вот что-то посложнее вызывало у меня ступор. Зато я неплохо вязала. Но, как оказалось, в деревне это искусство оказалось неизвестным. Шерстяные нитки здесь ткали, смешивая с льняной или крапивной основой. Её тоже вырабатывали сами.

Но мысль, что мой ротвейлер останется в холодной будке зимой, не позволяла мне успокоиться. И я привязалась к плотнику. Тот долго отмахивался, но в конце концов вырезал мне из дерева пару приличных спиц. Нитки я выпросила у прях. И снова вся деревня сбегалась посмотреть, чем я занимаюсь. Когда Даша защеголяла в обновке – посмеялись. Но когда шею Соно украсил затейливо вывязанный шерстяной шарф, женщины решили, что вязание – ремесло очень полезное. И напросились в ученицы. Так у меня появились свои обязанности – обучать девочек вязанию и обеспечивать деревенских шерстяными шарфами и носками. Я перестала быть бесполезным придатком, живущим по прихоти Ёншина, который притащил меня в деревню, и стала полезной для общины.

К зиме население деревни увеличилось за счет невесть откуда пришедших мужчин. Они удивленно смотрели на моих собак, но им тут же разъясняли, что к чему. Правда, после вечернего представления, которое стало уже обязательным, проникались уважением. Иногда даже казалось, что моим собакам здесь уделяют внимания больше, чем мне.

А потом выпал снег, и деревня оказалась окончательно отрезанной от внешнего мира. К тому времени я знала, что здесь собрались люди, которых не жаловало местное правительство, и при случае королевские войска не постеснялись бы сжечь деревню вместе со всеми жителями. Правда, для женщины была уготована иная участь: те, что помоложе и покрасивее, отбирались в дома терпимости. Остальных ждало рабство.

Но зимой можно было не опасаться карательных рейдов. Снег надежно отрезал все тропинки, и только дикие звери оставляли свои следы на сверкающем хрустящем полотне.

Я все больше включалась в общественную жизнь. Для меня стало обыденностью стирать в ледяной воде, выбивая белье вальками. Потрошить зайцев и куропаток, пойманных в силки. Я обучалась жить без таких прелестей цивилизации, как канализация и центральное отопление. Но здесь, как оказалось, было что-то подобное.

Еще в первый день мне бросилось в глаза, что все дома словно приподняты над землей. Оказалось, под полом была проложена система труб, по которым горячий воздух из кухонного очага, который располагался ниже общего уровня, расходился по комнатам, согревая пол. Но тепла все равно не хватало. Выручали теплая одежда и жаровни, поставленные в каждой комнате.

Я не мерзла. Соно снабдила меня несколькими толстыми юбками, которые следовало надевать одновременно, и стеганой кофтой на вате. Они здесь заменяли верхнюю одежду. Мужчины одевались так же, только вместо юбок носили штаны.

А вот одежда Ёншина и ближайших к нему людей отличалась изысканной отделкой и цветными тканями. А вместо стеганых курток полагались меховые полушубки, подхваченные кожаными ремнями. Это лишний раз доказывало, насколько Ёншин стоит выше остальных на социальной лестнице.

Но в деревне это неравенство не замечалось. Ёншин ровно относился ко всем жителям, не выделяя одних перед другими. Ел из общего котла, и даже, когда женщины старались подсунуть ему кусочки повкуснее, делился с детьми. Но в общих работах участия не принимал. У него была одна забота – подготовка воинов.

Мальчишки просто бредили воинской славой, изо всех сил стараясь превзойти друг друга в дружественных потасовках, стрельбе из лука, кидании ножей и метании камней из пращи. Я тоже стала потихоньку понимать, что без владения оружием долго здесь не протяну. В деревне, конечно, безопасно, но вдруг нападение? К моему удивлению, местные женщины относились к этой угрозе спокойно и даже покрикивали на девочек, желающих поиграть с мальчишками в «военные игры».

Но запретить мне учиться они не могли.

Мальчишки научили меня вертеть пращу. Задача оказалась не из легких. Это со стороны казалось, что камень сам срывается с веревки и летит прямо в цель. На практике он то падал прямо под ноги, а то и на голову, набивая шишки. Ребята смеялись, а я упорно тренировалась. Заодно вспомнила, как в походах метали топоры и ножи. Топоров в хозяйстве не нашлось, их здесь не использовали, заменяя тяжелыми колунами. А вот ножи мне одолжили все те же мечтающие вступить в войско Ёншина ребята. А я так и не могла понять, что это за всеобщая идея.

К зиме мой словарный запас увеличился настолько, что я смогла разобрать что мне говорят, если говорили медленно, и даже отвечала несложными предложениями.

Вот тогда то я и узнала, почему дворянин скрывается в этой глуши, и причину немилости у правителя.

Ёншин оказался младшим из шести сыновей Императора, но вторым, рожденным от коронованной Императрицы. Еще при жизни отца титул Наследника получил его старший единоутробный брат, и это не вызвало вопросов. После смерти Его Императорского Величества назначенный сын вззошел на трон, но его правление очень быстро закончилось – упав с лошади, молодой Император сломал шею.

И тут началось то, чего хуже чумы бояться в любом правящем доме – чехарда престолонаследия.

По закону, если Император не оставлял наследника, трон доставался его брату. Но братьев-то было целых пять! Причем один из них – единоутробный! Он и должен был получить Большую Печать Императора, символизирующую необъятную власть, но братья возмутились: сын Императрицы был самым младшим из них. То, что дети наложниц имеют куда меньше прав на престол, как-то сразу забылось.

В итоге власть под видом регента захватил дядя ссорящихся претендентов. В свое время он удачно выдал замуж за будущего правителя свою дочь, которая в одночасье стала Вдовствующей Императрицей, и теперь правил от её имени, отодвинув племянников. Оттого и не сомневались в деревне, что смерть старшего брата Ёншина была подстроена. Не мог прекрасный наездник так глупо погибнуть!

Сам Ёншин никак не развеивал эту легенду, напротив, всячески поддерживал. И копил силы, ибо страна нуждалась в законном правителе.

У меня после таких известий надолго испортилось настроение. Вступать в противоборство с правительством – что может быть глупее для чужака? Мысль, что мне, как требует того закон жанра, предстоит спасти мир, казалась бредовой. Я хотела домой, вместе со своими девочками! И пусть местные императоры, принцы и прочие царственные особы сами разбираются со своими проблемами.

От переживаний поднялась температура. Я плохо помнила, что произошло. Проснулась я в сарае, в обнимку с собаками – как мне сказали, я весь вечер не отпускала их от себя. И не позволяла подойти никому из деревенских – они пытались вернуть меня в дом.

А потом все вернулось в прежнюю колею. Вокруг меня постоянно крутились дети – их привлекали собаки и все, что с ними связано. У самых смысленных рот не закрывался – они

язык о зубы оббили, задавая вопросы. Я старалась отвечать, в меру своих способностей к пониманию местной речи. И вскоре поняла, что просто-напросто веду «кружок юного кинолога».

Детей интересовало все: почему я так, а не иначе кормлю собак, почему Нюта приносит утку, а Даша нет... Отчего охраняет только Даша... А почему они такие разные? Пришлось рассказать о породах и их предназначении, о стандартах, о характере, даже немного о центральной нервной системе... И очень много о физиологии.

Заодно и о местных собаках узнала. В этом мире «друзья человека» занимали очень низкое положение. Даже ниже свиней. В основном, держали их на цепи, чтобы лаяли, когда чужаки приходят, а в голодный год могли и в котел пустить. Та же участь ждала и охотничьих собак, которых ценили не намного выше простых дворян. Им в обязанность вменялось помочь загнать зверя – оленя или кабана... А если кого и ранили, мясом, даже собачьим, здесь не разбрасывались.

С той поры я стала внимательнее смотреть, что именно готовят на кухне. И снова начала бояться за своих девчонок: зима – время голодное, все могло случиться.

Соно заметила мою тревогу. И после серьезного разговора дала указание на кухне – мне собачьего мяса не давать. Да и вообще ничего, на нем приготовленного. А насчет моих девчонок заверила, что они – последние, кого съедят в деревне. Как будто от этого стало легче!

А с детьми стал прибегать ко мне щенок. Голенастый, темно-палевый, с коричневой маской. Уши-лопушки, привставшие на хрящах, смешно мотались, когда он склонял голову то вправо, то влево, прислушиваясь к человеческой речи.

Как я поняла, малыш не принадлежал никому конкретно – остался один из помета и прибил к детям, которые подкармливали его остатками от собственных обедов. Стать бездомной бродяжкой у собаки шанса не было – зимой подьедали все, что можно. А для меня этот малыш был прежде всего шансом спасти собственных собак. Да, жестоко, но менять традиции этого мира я не собиралась. Хоть и жалко было щенка, доверчиво глядящего на меня наивными янтарными глазками, а судьбу его уже предрешили.

Но пес придерживался другого мнения. Практически все время, когда я его видела, он что-то таскал в пасти – тряпку, палку, кусок кожи... Апортировка доставляла ему такое удовольствие, что я сдалась.

Судя по зубам, малыш родился примерно полгода назад, но до колена мне не дорос. Я прикинула, до какого размера он вырастет, осмотрела костяк... «Четки» на ребрах и припухлости на лапах в зоне роста намекали на начинающийся рахит. Пока я ничего с этим поделать не могла, но предупредила детей, что если они хотят получить здоровую собаку, кормить его надо лучше. Хотя бы требухой, а не той бурдой, что лили в миски домашним собакам. И добавлять сухие травы: крапиву, одуванчик и малиновый лист в деревне заготавливали чуть ли не в промышленных масштабах. И мариновали, и сушили.

Оставалось вспомнить, чем можно прогнать глистов. Но тут требовался совет деревенской знахарки – она пользовала людей, но травы подходили и животным. Тем более, что и моим девчонкам срок подходил.

Щенок, который даже не имел имени, очень быстро понял, что если он отдаст мне палочку, получит что-то вкусное. И стал таскать мне все, что попадалось на пути. Пришлось менять дамми и усложнять задачу. Вскоре по моей просьбе приносился: поводок (кусок веревки с петлей), жамми (кожаный мешок, набитый шерстью), палочку (определенную, которая использовалась только для занятий) и соломенный жгут.

Дети пришли в полнейший восторг и включились в процесс. Вскоре я стала выделять двоих – мальчишку лет двенадцати, который готовился весной пройти церемонию взросления, и десятилетнюю девочку. Они не стеснялись спрашивать и, если что-то не получалось, не успокаивались, пока не находили причину. А еще они искренне стали заботиться о щенке.

Я научила их ухаживать за шерстью. Для вычесывания вполне подошла щетка, которой чистили лошадей. Показала, как следить за ушами, глазами и зубами. Преподала азы дрессировки, так что уже через неделю малыш вполне бодро топал на поводке, поглядывая на проводника. Мне понравилось, что в глазах стоял не ужас ожидания очередного тычка, а любопытство и желание сделать все правильно. В общем, забот хватало, так что скучать не приходилось.

А тут еще Даша отличилась...

В одну из ночей новолуния, когда даже звезды спрятались за облаками, деревню разбудил загрохотавший лай собак. И шумели они со стороны мужского дома, в котором, вместе с ближайшими воинами, жил Ёншин.

Из собак там могли оказаться только Даша и Нюта, их одних не привязывали и позволяли ходить везде. Деревенских привело в восторг их умение вести себя «в обществе», и для моих собак сделали послабление. Я не противилась – далеко от моей комнаты они не отходили, да и случись что, мне достаточно было позвать, а не мчаться к будкам отвязывать.

Но чтобы собаки ушли так далеко? Я спала наполовину одетой – отопления не хватало, и даже в комнате изо рта шел пар. Накинуть куртку и добежать до места происшествия хватило пары минут.

На земле, прижатый мощными лапами Даши, лежал мужчина. Его попытки подняться пресекались грозным рыком и оскалом. Рядом, держась за раненую руку, стоял Туанхо. То, как он смотрел на Дашу, меня насторожило.

– Даша, ко мне! – я очень испугалась.

Собака моментально отпустила жертву и уселась у моей левой ноги. Мужчины подхватили лежащего, и в свете факелов я увидела его лицо. Чужак! А Туанхо что-то эмоционально объяснял подошедшему Ёншину. В ходе разговора принц поглядывал то на меня, то на Дашу. Я на всякий случай перехватила её за ошейник и приготовилась защищаться. Тем более, что окружающие старались близко к нам не подходить.

– Нюта, ко мне! – подозвала я крутящегося неподалеку лабрадора.

На неё вообще никто внимания не обращал, но я решила совсем не отпускать от себя непоседливую парочку.

И только, когда все успокоились, к нам подошел перевязанный Туанхо.

– Благодарю тебя, Даша, – поклонился он собаке, а мне пояснил: – Она мне жизнь спасла. И, наверное, господину тоже.

Но меня больше удивило его поведение. На моих собак старались просто не обращать внимания, если они не показывали какие-то трюки... А собственные могли и пинка получить за то, что не вовремя попались под ноги. А тут – поклоны отвешивают!

– Туанхо, что все же произошло? Дашка без приказа работать не станет.

– Она кинулась, когда он на меня со спины напал. Если бы не собака...

Похоже, Даша начала воспринимать деревенских жителей за своих. Деревню она уже давно окарауливала, настораживаясь на все незнакомые звуки или явления. А тут чужак на «своего» напал!

– Тебя принц к себе приглашает. Собак тоже можешь взять, он разрешил.

В главном доме я еще не была. Он мало отличался от общего женского. Такие же маленькие комнатки с выходящими сразу на улицу дверьми, полы, застеленные циновками, круглые жаровни на низких ножках.

Я разулась у входа, оставив соломенные лапти на специальном камне под навесом. Девочек оставила на веранде, так, чтобы были на виду.

Ёншин сидел на полу, на плоской квадратной подушке. Такая же лежала напротив. Мужчина указал мне на неё и молча ждал, пока я устроюсь поудобнее. Тем временем занесли низенький столик, больше похожий на большой поднос на ножках. На нем стоял чайник и две крохотные, чуть больше наперстка, чашки.

Ёншин разлил чай и придвинул мне тарелочку с печеньем. Его пекли из смеси рисовой муки, орехов и меда. Судя по всему, разговор предстоял серьезный.

Как только принц понял, что я готова, начал с места в карьер:

– Это правда, что твоя черная собака может охранять по приказу? То, что я видел все это время...

– Правда. Мы с ней норматив сдавали, и неплохо справились.

– Не понимаю, – покачал головой принц, – но это не важно. Тот мужчина, которого она поймала, был послан убить меня. И действовала Даша очень... необычно. Туанхо сказал, она схватила руку с мечом. Ни он, ни я такого прежде не видели. Собаки не могут догадаться, что надо опасаться оружия.

– Даша знает, – разговор мне очень не нравился.

– Что ты хочешь?

Приехали. Такого я не предвидела, и даже не сразу смогла ответить.

– Почему молчишь? Что ты хочешь? Соль? Золото? Серебро? Или положение в обществе? Сейчас я не могу тебе его дать, но когда стану Императором...

– Ничего. Мне ничего не надо. Даша не продается. Да и Нюта – тоже.

– Уверена? – он словно не удивился. – Купить можно все, вопрос, во сколько это обойдется.

– Не в этом случае. Да и смысла нет. Даша охраняла не тебя или Туанхо. Она охраняла меня.

– Я уже говорил – я почти ничего не понимаю из того, что ты мне рассказываешь. Поясни, пожалуйста.

– Даша работает только в паре со мной. Если хочешь собственного телохранителя, тебе придется воспитать его самостоятельно.

– Это возможно? – Ёншин, казалось, на самом деле удивился.

– Да. Только надо найти подходящего щенка. Пока я здесь таких не видела.

– Подожди... – он поднял руку, прося перерыва, – Хочешь сказать, что твои собаки – самые обычные? Такие же, как у нас?

– Ну... не совсем, – слукавила я. Солгать ради спасения собак казалось правильным. – Думаю, в вашем мире таких больше нет.

Он кивнул:

– Возможно. А тот щенок, которого ты учишь носить вещи?

– Он хороший апортировщик. Может помочь ребятам на утиной охоте, как Нюта. Но охранять вряд ли станет, не тот характер.

– У собак есть свой характер? – снова удивился Ёншиню

– Еще какой! – рассмеялась я. – Особенно у моих. Помнишь, как Дашка на тебя кинулась там, в степи?

– Она тебя охраняла?

Дошло наконец!

– Стелла, – он произносил мое имя несколько необычно, очень мягко и протяжно, словно напевал, – хочу попросить тебя переехать в этот дом. Вместе с собаками.

Я опешила. Потом догадалась – принц хочет иметь дополнительного телохранителя в виде собаки! Раз она не будет охранять его, то надо пригласить того, кого станет! Но отказаться я не решилась. Кто знает, что тогда нас ждет. Рисковать в моем положении не рекомендовалось.

Комната, которую мне выделили, оказалась в три раза больше той, что я занимала в общем женском доме. Кровать имела балдахин из плотной ткани. Как я уже давно поняла, здесь это было не роскошью, а зимней необходимостью. Несколько низких шкафов одновременно служили консолями, на которых стояли разные безделушки, полезные и не очень. Не

обошлось и без комодов. В общем, я решительно не знала, что мне в них хранить, вещей как-то не накопилось.

В одном из шкафов я обнаружила несколько подушек для сидения. Здесь, в этой деревне, вообще вели «половую жизнь». Больших, привычных столов и стульев я нигде не заметила. Тут и кровать роскошью считалась! Все спали в основном на матрасах, которые днем убирали в сундуки.

Оставалось определить собакам место. Вот тут подушки и помогли. Сшить их попарно много времени не заняло, зато и Нюта, и Даша обзавелись персональными матрасиками. Мне такой вариант нравился больше, чем будки, да и жилетку на ночь ротвейлеру можно было не надевать – собака обросла густым подшерстком. Выглядело непривычно, но я радовалась, что она не застудится. А еще шерсть забивала вязаное полотно, так что Дашина одежда скоро стала выглядеть неопрятно. Чтобы вычистить её, приходилось потратить много времени.

В общем, остаток ночи я провела в переезде. Но утром меня подняли вместе со всеми.

Ёншин завтракал отдельно от деревенских, деля с ними только обеды и ужины, поэтому утром еду приносили в дом. Я привычно выгуляла собак и пошла к столовой, там со вчерашнего дня должна была остаться требуха и каша для девчонок. Но меня окликнула Соно:

– Где ты ходишь? Это недопустимо – заставлять ждать Его Высочество!

Оказалось, как только я поселилась в доме принца, стала считаться частью его семьи. И завтракать меня ждали вместе со всеми. Торопясь за Соно, я успела выяснить, что собаки теперь тоже под покровительство Ёншина, и даже в самый голодный год без его приказа никто даже косо на них не посмотрит.

– Они и так живут по его милости. Тогда, когда тебя Туанхо ранил, мы думали, Черная всех порвет. Это Его Высочество запретил её убивать. Сказал, в этой собаке живет дух воина. Похоже, наш принц не ошибся.

Дух воина? Дашка – одержимая? Мысль показалась настолько бредовой, что я расхохоталась прямо на улице, ничуть не заботясь о том, что подумают окружающие. Отчего-то Соно тоже пришла в восторг и рассмеялась вместе со мной.

– Наконец-то! Я уже думала, никогда не увижу твоей улыбки. Человек должен улыбаться хотя бы раз в день, иначе он начинает болеть и умирает. Я беспокоилась за тебя.

Обо мне на самом деле беспокоились? На душе стало тепло-тепло, а Соно спохватилась:

– Скорее! А то принц голодным останется. Он не любит, когда его ждут. Но и сам ждать не любит.

Но Ёншин даже виду не подал, что его задело мое опоздание. Все же я извинилась:

– Прошу прощения. Я еще не совсем знаю ваши обычаи. Но постараюсь не ошибаться!

– Привыкнешь! – кивнул принц и взялся за палочки.

Вот тут надо был не зевать. В этом мире есть начинал старший, он же и заканчивал. Остальным надо было успеть запихнуть в себя еду в этом промежутке.

В доме старшим являлся Ёншин. И он старался не торопиться, чтобы все успели насытиться. Я была ему благодарна – я никак не могла привыкнуть быстро глотать острую и очень горячую пищу.

– Тебе будут готовить отдельно.

– Что? – не поняла я.

– Скажи на кухне, пусть что-нибудь придумают. Человек должен хорошо кушать, а ты едва притрагиваешься к еде. Видимо, она для тебя непривычна.

– Спасибо!

Он оказался единственным человеком, который понял, что со мной что-то не так. И, хотя мне не хотелось беспокоить женщин, готовящих еду, я не осмелилась проигнорировать приказ. Я уже поняла, что Ёншин все подмечает, и очень не любит тех, кто плюет на его распоряжения.

К счастью, все решилось куда проще, чем казалось со стороны. Я всего лишь попросила класть поменьше перца в основные блюда, так что менять весь уклад не пришлось. Просто рядом с большими котлами появился маленький. А кувшин с водой я сама стала приносить.

С переездом поменялся весь мой уклад. Теперь вечера я проводила не с женщинами за рукоделием, а беседуя с Ёншином. Он очень хотел знать, из какой страны я пришла. И очень удивился, поняв, что я вовсе из другого мира. Но это разожгло его любопытство еще больше.

Я тоже не удержалась от вопросов. Так, помня слова Соно, уточнила про духов. Оказалось, она не шутила.

– Простые собаки не могут по приказу искать раненых уток и приносить в руки охотнику. Простые собаки не могут догадаться, что кусать надо не за ноги, а за руку, занесшую меч. Простые собаки не будут садиться, ложиться и лаять по команде. А еще простые собаки не умеют считать. Я не верю тебе, когда ты говоришь, что твои Черная и Белая – простые собаки. В них должны жить духи. И ты им служишь! Я убедился в этом, когда ты кинулась на меня в степи, боясь, что я убью Черную. И утвердился во мнении, когда ты бросилась под меч Туанхо. Люди не будут рисковать жизнью, спасая «простую собаку». Ты шаманка? Или жрица? Скажи мне, чтобы я мог относиться к тебе соответственно!

Соблазн подтвердить его выводы казался огромным. Но со временем любая ложь может привести к катастрофе, и я сказала правду:

– И тем не менее, я самый простой человек.

– Я прежде никогда не видел, чтобы самый простой человек мог остановить нападение степных собак. А ты смотрела на вожака, и он дал нам уйти.

– А я, уж прости меня, принц, много раз видела идиотов, которые прутся в самое сердце стаи, Особенно, если та защищает свою пищевую базу.

– Ты назвала меня идиотом? Меня? – опешил принц.

– Точно, – кивнула я и приготовилась к последствиям.

А Ёншин... рассмеялся! Он хохотал так, что упал на спину и катался по полу и успокоился только тогда, когда смех превратился в бессильный всхлип.

– Знаешь, ты точно шаманка или жрица! Потому что назвать идиотом того, от кого твоя жизнь зависит... Так кто же ты?

– Человек! – в который раз пояснила я.

– Хорошо-хорошо, – Ёншин примирительно вытянул вперед ладони. – Человек из другого мира. У вас там все такие?

– У нас там все разные. Как и здесь.

– А собаки?

Что-то явно не давало принцу покоя, он раз за разом сводил разговор к моим девчонкам. И я снова насторожилась:

– Что именно интересует принца?

– Расскажи о собаках своей земли. Они, должно быть, какие-то необыкновенные.

– Разные.

Я вздохнула и начала лекцию о происхождении пород, селекции, отборе и обучении. О предрасположенности собак к той или иной работе. То есть, развернуто повторило то, что говорила еще той ночью, после которой переехала в дом принца. Он не перебивал. А потом неожиданно сменил тему:

– Тебе сколько лет?

С этим возникли сложности. От старшинства в этом мире зависело очень многое. Так, даже близнецы строго придерживались правил. Младший, пусть даже между ними разница была минут в десять, всегда находился в подчиненном положении. В общей компании тоже строго следили и не допускали нарушения традиций. Все правила поведения в одной социальной среде строились на возрасте. Единственное, поскольку попала я в патриархальный мир,

последнее слово всегда оставалось за мужчиной. Я не спорила, лезть в чужой монастырь со своим уставом чревато. А менять вековые уклады и вовсе дело неблагодарное, особенно для того, чья цель – просто выжить.

– Двадцать шесть.

И я не солгала. В этом мире возраст считали не от дня рождения, а от дня зачатия.

– На четыре года больше, чем мне.

– Как будто от этого что-то зависит, – пробормотала я в сторону по русски.

– Что? – насторожился Ёншин.

– Нет, ничего. Просто в нашем мире несколько другой уклад жизни.

– Ты мне все должна рассказать.

И я рассказывала. Но каждый раз разговор сводился на собак. В конце-концов я прямо спросила принца, что он хочет.

– Воспитать несколько собак-телохранителей. Ты сказала, вы своем мире так делаете!

– Делаем. Но я уже говорила...

– Да. Помню. «Собака будет работать только в руках хозяина», – процитировал он. – Но если хозяин воспитает с десяток собак? Ведь можно будет создать отряд четвероногих воинов!

У меня перед глазами встала иллюстрация к легенде о боевых собаках Александра Македонского.

– Смотри что от них потребуется. Если просто принять на себя первый удар, это одно. А если хочешь, чтобы работала, как Даша... то ничего не выйдет.

– Почему? Они не выполняют приказ хозяина?

– Мне говорили, ты участвовал в сражениях. Скажи, ты во время боя каждым из своих солдат командовал? Или они действовали самостоятельно?

– Хочешь сказать, – догадался принц, – в бою каждой собаке нужно постоянно отдавать приказ? Но это же бред!

– Нет. Это реальность. И знаешь, есть у нас целые армейские подразделения. Но там каждая собака имеет своего проводника. И эта пара в определенных условиях бывает очень эффективной. Например, при поиске наркотиков, или взрывчатки...

– А что это?

– Запрещенные вещества. Ну, то, что правительство запретило.

– А, контрабанда! – перевел в понятную ему плоскость Ёншин.

– Грубо, но можно и так сказать. Еще преступников задерживают. Вот это как раз то, что тебе надо.

– Ты... сможешь создать такой отряд? – спросил Ёншин, глядя мне прямо в глаза.

– Не знаю, – честно ответила я.

Но принца мои слова не смутили. Его натура требовала действий:

– Туанхо! Передай всем: собак в деревне пока не трогать. Стелла осмотрит всех, и тех, на кого падет её выбор, кормить-поить-заботиться. Как именно, она скажет.

– Подожди! – не выдержала я напора, – Чтобы вырастить и обучить собаку, пару месяцев не хватит. А уж чтобы подготовить специалистов-кинологов... Я не возьмусь!

Но он не слушал. И Туанхо поволок меня на улицу, к собакам. Пришлось осмотреть всех, от новорожденных малышей, до тех, кто давно перешагнул рубеж старости.

Более-менее подошли двое: серый кобель-подросток и палево-белая сука. Она только недавно начала выползать из гнезда, затеявая шумные игрища с однопометниками. Их мамашка скалилась на меня, но подойти не смогла – хозяин крепко привязал её к ближайшему дереву. На палку. Такой способ здесь пользовался популярностью.

– Как ты их выбираешь? – поинтересовался Туанхо.

– А вот смотри, – я с трудом подбирала слова, – видишь? Крепкий. Шустрый. Не трус.

Рассказать, почему я остановила выбор именно на этом щенке, оказалось не так то и просто. Подозреваю, что Туанхо так и не понял, почему именно эти критерии. Да и дети, которые внимательно следили за процессом – тоже. Но до мужчины дошло главное:

– Никакого волшебства? Только знания?

– Да. Только знания.

– Тогда научишь остальных!

С моим то знанием языка? Я покачала головой:

– Трудно. Много времени надо.

– Получится! – Туанхо, как и принц, не принимал возражений. – А эти не подойдут?

– Эти – я показала на двух скалящихся из-под камня щенков, – точно нет. Остальных надо будет еще смотреть.

– Хорошо. Иди.

Дома я обнаружила, что у меня появилась соседка – Соно переехала в дом Ёншина.

– Нехорошо девушке одной жить в доме, полном мужчин, если она им не родственница, – ворчала женщина, раскладывая вещи по местам.

– Стелла! – прежде, чем я смогла понять, чем недовольна Соно, меня позвали.

Во дворе стояли дети:

– Туанхо велел отдать их тебе.

Они привели щенков, которых я выбрала. А Куен прижимала к себе того, палевого, который считался «общим».

– Его тоже сказали привести.

Расставаться с малышом ей явно не хотелось. Я присела рядом с ней на корточки:

– Я одна не справлюсь. Приходи помогать мне за ним ухаживать. Хорошо?

В черных, чуть раскосых глазах полыхнула радость. И недоверие:

– Мне и вправду можно? Туанхо приказал не надоедать тебе. Сказал, что будем мешать.

Я выругалась про себя: дети всегда лучше воспринимают новое. А, судя по тому, как здесь относятся к собакам, взрослым будет тяжело приспособиться. Так и вышло.

Утром, после завтрака, к дому явилась процессия – Туанхо привел мужчин, которых мне предстояло обучать. Все попытки объяснить, что я даже язык знаю плохо, а уж термины и подавно, во внимание не принимались.

– Да как я их научу? Даже собак нет!

– Со временем будут. Пока учи, как сможешь.

И я разозлилась. Что же, сами напросились. Если я плохо понимаю их язык, значит, все термины будут на русском! И пусть зубрят!

– Подожди. Собаки что, возле дома жить будут?

– А где? – удивился Туанхо.

– Хотите питомник, надо строить вольеры. Или будки для начала. И кормежку организовывать...

Ко мне тут же прислали плотника. Того самого, что делал будки моим собакам. И я тут же устроила урок на тему «вольерное содержание служебных собак». Нормы я не помнила, поэтому размеры выдала «на глазок», но местным и этого хватило. Чтобы для собак еще что-то подобное строить! Но приказы Ёншина здесь не обсуждались, и мужчины послушно заготавливали все, что я им рассказывала. А плотник сообщил, что без кузнеца ничего не получится, прутья для решеток ковать придется.

– Железа мало, – тут же сообщил один из учеников, – собак лучше возле будки привязать.

– Цепи есть? – поинтересовалась я, вспомнив, как привязывают здесь тех собак, что перегрызают веревки.

– На палки.

– Нельзя! – резко сообщила я и даже слушать другое мнение не стала, – Сейчас еще на кухню пойдем, будем просить котел выделить, еду готовить.

– Что, этим тоже?

К тому, что моих собак кормят по определенным правилам, здесь уже привыкли. Но сообщение, что и остальных собак придется кормить так же, вызвало легкий шок.

Я только вздохнула, представив объем работы. С детишками гораздо легче.

Теперь свободного времени у меня почти не осталось. Приходилось не только заниматься собаками. На меня легли так же и административные заботы. Выбрать место для питомника. Сделать чертежи. Составить рацион собак с учетом возраста, а так же тех продуктов, которые могли на это выделить в деревне. А еще – систематизировать свои знания и написать подробный план лекций. Это оказалось труднее всего.

Бумага в этих краях ценилась высоко, и желтоватые листы, которые для прочности наклеивали на ткань, использовались только Ёншином. Остальные писали на бамбуковых дощечках, которые скрепляли кожаными шнурками. Вместо пера использовали кисть. Несомненно, этот способ подходил для местных иероглифов, но мне, с моей кириллицей, пришлось изрядно понервничать.

Для начала я изменила положение бамбуковых свитков. Местные писали сверху вниз, и справа налево. А мне было удобнее положить дощечки так, чтобы они образовывали как бы строчки. Туанхо, а после и Ёншин покатывались со смеху, глядя, как я пытаюсь хоть что-то записать. Соно качала головой и ворчала на мужчин. Насколько я могла разобрать, предлагала им самим попробовать что-то новое в жизни. А когда в мой адрес полетели шуточки от остальных обитателей дома, женщина просто взяла мокрую тряпку и как следует отходила нахалов. Те только возмущенно причитали, закрываясь от хлестких ударов – Соно оказалась няней Ёншина, и обидеть её значило нанести оскорбление самому принцу. Больше меня задевать не решались.

С питанием пришлось повозиться. Мяса даже людям не хватало, а я с собаками... К счастью, Ёншин понял мое затруднение, и вместо ячменной каши велел выдавать мне рис. И все травы, которые понадобятся. Это частично решило проблему витаминов. Сушеные крапива, листья дикой малины, одуванчика послужили неплохой добавкой к рациону. Ну, а красные ягоды рябины, хорошо побитые морозами, просто спасли от авитаминоза.

С того дня, как Ёншин отдал приказ о создании отряда, всю требуху от птицы, кроликов и прочей живности, которую нет-нет да и приносили охотники, отдавали мне. Ученики очень удивились, почему я не отдаю её собакам сразу, а промываю и промораживаю несколько дней. Пришлось добавлять лекцию о гельминтах и способах лечения. Мужчины впечатлились и еще долго вздрагивали, глядя на куски свежего мяса. А некоторые пришли с вопросом, насколько реально заразиться самим и что делать в этом случае. Вместо ответа я попросила местную знахарку рассказать о свойствах некоторых растений. И мои ученики вдруг резко «полюбили» тыкву и чеснок. И по несколько дней пили отвар чабреца и пижмы. Сама я рассчитывать дозировку не решилась, помогла все та же знахарка. Вопрос профилактики гельминтозов у собак и людей был решен.

Но проблемой оставались другие заболевания. Чума плотоядных, энтерит, бешенство... О лептоспирозе тут вообще никто не слышал, а ведь лошадей в деревне было немало. Да и парочка коров доилась – варить кашу больным и детям.

Не в силах решить, я отложила эту проблему на потом – сейчас передо мной стояли совершенно другие задачи.

Постепенно среди мужчин, отобранных для обучения, стали появляться недовольные. Нет, они старательно зубрили все, что я им диктовала, даже задавали уточняющие вопросы. Честно ухаживали за собаками – чистили площадку перед будками, вычесывали и кормили щенков. Но делали все это с таким отвращением, что я не выдержала.

– С животными должен работать тот, кто их любит. Ну вот сам посмотри, кто у вас лучший конник? Винхо?

– Я понял, – кивнул Туанхо.

Нерадивых учеников у меня забрали. Но на их место пришли другие. Сами, или по приказу, я не разбиралась. Если чувствовала, что человек равнодушен, отправляла обратно. Мне и так забот хватало.

Но душу я отводила с детьми. Особенно радовала Куён. Девочка схватывала все буквально на лету, очень серьезно относясь к своим обязанностям – кормить палевого щенка. И он начал отвечать ей привязанностью.

Но однажды Куён примчалась ко мне в слезах – родители запретили ей приходить на занятия и вообще, приближаться к собакам.

– Они сказали, это дело воинов, а не женщины. И что девчонке нечего тут делать.

– И правильно сказали! – вмешалась в разговор Соно, – Беги домой, помогай матери!

Когда заплаканная девочка ушла, гнев Соно обратился на меня:

– Не привечай! Ладно мальчишки, пусть их, но девчонок – гони прочь! Им к замужеству готовится надо, а не с боевыми собаками бегать.

Я опешила. Конечно, понимала, что в патриархальном мире оказалась, но чтобы вот так, мимоходом, разбить детские мечты только потому, что «девочкам не положено»?

А Соно, продолжая ворчать, принесла деревянный, покрытый лаком ящик:

– И о себе подумай! Женщина же!

Подняла крышку, повернула... Ящик оказался гибридом туалетного столика и косметички. Зеркало заменяла отполированная медная пластина. Я вздрогнула, увидев свое отражение: расплывшийся, с пятнами вместо глаз и рта силуэт.

– Да, не очень хорошее. Вот, сюда посмотри! – передо мной поставили блюдо с водой.

Его поверхность отражала все до мельчайших подробностей. И я снова вздрогнула: за это время я привыкла к азиатским чертам окружающих, и мое собственное лицо показалось странным.

– Ты замужем? – Соно достала из ящика деревянную расческу.

– Нет. А что?

– Да вот, смотрю, как тебя причесывать будем. Эх, кто же тебе волосы так обкорнал!

– Да, не мешает уже снова подстричься, – машинально кивнула я, не заметив, какой ужас отразился в глазах у Соно – думала о Куён.

– Да как же это можно? – всплеснула руками нянька принца, – Где это видано – волосы женщине добровольно стричь! Даже мужчины этого не делают.

– А почему? – теперь уже удивилась я.

– Волосы на голове – родительский дар. Обрезая их, мужчина проявляет непочтительность. Ну, а женщина так прямо наносит своим предкам оскорбление, и её род ждут несчастья.

– Бред, – хмыкнула я, но настаивать не стала, вовремя вспомнив про монастырь и устав, – Соно, а как ты меня хотела причесать?

– Да косу тебе надо на голове уложить, только где её взять, такого цвета, – каштанового цвета пряди скользнули между пальцев женщины, – Ладно, что-нибудь придумаем. А пока просто носи ленту!

Едва отросшие волосы на затылке собрали в куцый хвостик и закрепили полотняной лентой с вышивкой на концах.

– Вот так. А этим – Соно достала бутылочку, закрытую свернутой в турунду тканью, – протирай лицо на ночь. И вот этим смазывай.

Я взяла протянутый горшочек. Он удобно уместился в ладони. От желтоватой мази приятно пахло медом.

– Спасибо, – кивнула благодарно и снова взялась за кисть.

Соно тут же отодвинула зеркало в уголок и вышла, чтобы не мешать.

Несмотря на все старания Туанхо, отсеив среди моих учеников оказался огромным. Кто-то брезговал «грести дерьмо за шавками», кого-то я сама отправляла, видя, что учится через силу. Но те, кто остался, радовали. Выучили статьи, причем термины звучали по-русски. Ну не могла я от них добиться, как называется та или иная часть тела на местном языке! У коров могли сказать, а у собак – нет.

С кормлением тоже разобрались. Пришлось подключить фантазию, но примерные рационы мужчины составлять научились. Забавно было наблюдать, как они, кусая черенок кисточек, старательно выводят на бамбуке иероглифы, а потом зачитывают мне, потому что осваивать местное письмо у меня времени не осталось.

Постепенно у каждого щенка появился свой собственный проводник. Они и занимались с малышами под моим четким руководством. Остальные наблюдали, запоминали и делали выводы. Но почти каждый день я видела Куён. Девочка тайком следила за занятиями, а подойти поближе боялась. Несколько раз я замечала, как холодное зимнее солнце рождает на её щеках искры. Плакала?

И я не выдержала. Но разговор с родителями ничего хорошего не принес:

– Моя дочь не будет бегать за собаками! – довольно резко заявил мне отец, – Ей к замужеству готовиться надо!

– Но ведь она еще ребенок! – ужаснулась я.

– Да какой же ребенок! Жених уже есть, через три года и свадьбу сыграем.

Мать Куён тихо обмолвилась:

– Иначе заберут в Террах. Они требуют девушек для служения при дворе Императора.

– Террах – это что? Столица?

– Это империя! Полторы сотни лет назад мы проиграли войну. И с тех самых пор наши правители должны получить разрешение на наследование трона от их Императора. А страна – платить дань. Белым женихом, лошадьми и... девушками. Но если девушка имеет мужа, она Императору не нужна. Поэтому наша Куён выйдет замуж, едва достигнув тринадцати лет.

– Сурово, – только и смогла произнести я, потрясенная новыми знаниями, – Но все же... у неё особый талант! Она станет прекрасным кинологом, не запрещайте ей заниматься, прошу вас!

– Будь она мальчиком, я сам бы привел её к тебе. Но девочке негоже заниматься мужским делом и готовиться к войне. Может, в вашем мире это и не так, но мы не нарушаем обычаев предков. Наши женщины сидят дома и оберегают дом. Ну, а если их мужчина погиб... то они могут сгореть вместе с этим домом, потому что больше никому не нужны.

Я не стала спорить. Просто развернулась и ушла. А в ушах стояли жестокие слова отца Куён: женщина ценна лишь как мать мужчины.

Дома я еще и от Соно получила нагоняй за самостоятельность. Но вечером, за ужином, Ёншин вдруг тоже заговорил о девочке:

– Она на самом деле настолько талантлива?

– Куён любит животных. И понимает. А главное, у неё очень большое желание учиться.

Ёншин задумался. А потом велел:

– Завтра покажешь, на что способна эта девочка.

Я просто кивнула, хотя от меня ждали традиционного «Да, Ваше Высочество». Но мысли были о другом – принц недаром назначил смотрины на завтра. Я как раз планировала погонять учеников по статьям собак. И Ёншин изъявил желание присутствовать. И это превращало простой зачет в экзамен!

Мужчины приоделись, словно не на занятия пришли, а на праздник. Деревенские побросали свои дела и тоже явились посмотреть, что к чему. Дети сверкали любопытными глазами

из укромных местечек – им велели не мешать, да и сами бы не осмелились. А вот Куён я не увидела. Мальчишки сообщили, что ей запретили смотреть. Ёншив, услышав такое, велел привести девочку.

Она появилась в сопровождении родителей спустя полчаса, разряженная, как подружка невесты. И красная, как ягоды рябины, которые она всегда собирала для собак. Но мне стало неловко:

– Ваше Высочество, я планировала обычное занятие с контролем знаний. Но вижу, от меня ждут чего-то необычного.

– Делай, как хотела. Мы не будем мешать. Верно? – обратился он к зрителям.

Из толпы послышались согласные выкрики, и мне пришлось смириться.

– Тогда начнем! Кто первый?

Мои семь учеников переглянулись, и вперед шагнул Лидо. Звезд с неба он не хватал, но зубрил прилежно. Да и собак зря не шпынял, так что я оставила его в группе.

– Хорошо. Пойдем. Опиши этого щенка!

Сука, привязанная к дереву, поджала хвост. Она была не из смелых, как и её щенки. Все они при первом осмотре забились под сарай и скалились, а когда я вытащила первого, началась истерика. Я забраковала всех. Но для описания эти криветки вполне подходили – своих собак мои ученики знали уже вдоль и поперек.

Я выловила трехмесячного малыша и протянула Лидо. Тот уверенно взял его в руки и начал:

– Кобель. Зубы в смене, прикус... норма, – потом он сунул руку малышу между задних лап, чем вызвал смех присутствующих, и смущенно спросил: – Крипторх?

Плохо. Стесняться делать свою работу – очень плохо.

А Лидо описывал щенка дальше. Голову, шерсть, постав хвоста, ушей... Выходило серединка-наполовинку, но он был первым, да и занятие для мужчины, по мнению деревенских, было неподходящим. Поэтому я только задала пару наводящих вопросов:

– Что значит – прикус «норма»?

– Ну... – Лидо поставил щенка на землю и тот сразу скрылся под сараем, – Ножницеобразный.

– Почему он – норма?

Лидо почесал в затылке:

– Наверное, у матери такой же, поэтому.

– Ты оценивал мать? Нет? Так откуда же знаешь? Не лезь к собаке. Неплохо для первого раза, я думала, хуже будет. Так что – зачет. Куён, давай вот этого!

Та сперва засмущалась, но неожиданно её отец улыбнулся и что-то шепнул дочери на ухо. Куён зарделась, присела на корточки и зачмокала губами:

– Ну, иди сюда, малыш!

В руках появился кусочек пирога, из-под сарая показались активнодвигающиеся носы, а потом самый смелый из малышей высунул голову.

– Этого, учитель?

Я замерла. Так меня еще не называли. И чуть не забыла кивнуть:

– Этого!

– Прикус – плотный ножницеобразный. Зубы в смене. Щенок – кобель. Крипторх, – Куен без смущения проводила все манипуляции, – а, нет. Гуляет. Учитель, а почему так?

Любопытствующий народ застыл в изумлении, женщины покраснели. Я понимала уже – почему. Незамужняя девочка вот так, спокойно щупает у кобеля семенники и еще рассуждает об этом...

– Я потом расскажу. О генетике с вами пока рано говорить. Давай дальше.

– Голова, – клиновидной формы, мочка носа влажная, черная. Глаза – темно-ореховые, чистые...

Куен описывала щенка так, что я заслушалась. В моем мире быть бы ей экспертом высокого уровня! Но здесь... А здесь она обошла практически всех остальных моих учеников, даже не напрягаясь особо. А ведь половину из того, чему я учила, она слушала тайком, спрятавшись так, чтобы родители не заметили!

Ёншин все понял. И увидел разницу между «просто хорошим ответом» и «ответом великолепным». Да и то, как девочка обращалась со щенками, бросалось в глаза. Даже самые трусишки доверчиво шли к ней в руки.

Но и остальные ученики меня порадовали. Все зачет сдали. Я не зря потратила на них время и силы.

А Ёншину все было мало:

– Стелла, среди детей есть еще желающие?

– И немало. Толковых среди них тоже много.

– Хорошо, – и громко, так, чтобы услышали все, принц заявил: – Отныне все дети, желающие обучаться у Стеллы собачьему делу, независимо от возраста и пола, не должны встречать препятствий со стороны родителей или общества. А ты, – потрепал он по щеке Куён, – большая молодец! Надеюсь, и дальше не подведешь своего учителя.

Родители девочки хмурились, но, как не старался отец, улыбка то и дело заставляла уголки его губ дрожать. Сама Куен просто светилась от счастья.

А мне предстояла другая работа. Ёншин поинтересовался, записываю ли я уроки:

– Трактаты помогут тем, кто останется после нас подготавливать четвероногих воинов, – и добавил, подумав, – И охотников. Ведь того желтого щенка ты готовишь именно для неё?

– Да, для охоты. Вы заметили разницу в обучении?

– Боялся ошибиться. Но желтого ты учишь приносить разные вещи, искать, а остальных – ходить рядом, сидеть, лежать...

– К слову, об остальных. Я понимаю, что пока ставить вольеры рано – зима на дворе, сугробы мешают... Но остальное то? Да тех же щенков не хватает. Я учу людей, но где взять под них подходящих собак? Нет, я могу забрать все пометы в деревне, но гарантировать, что вырастет то, что нужно...

– Подожди немного. Учи пока, как можешь. Пиши трактаты. Рисуй устройство этого... питомника? Правильно? И если к весне хоть одна из отобранных тобой собак сможет показать, на что способна, я буду доволен.

– Показать то они покажут. Только что вы захотите увидеть, Ваше Высочество? Если то, что видели у Даши, то нет. Времени слишком мало, и собаки молодые.

– Я понимаю, – кивнул Ёншин, – и не тороплю. Но если к весне хоть какие результаты увижу, будут тебе лучшие собаки в стране! Любые, каких выберешь, пусть даже охраняют они императорский дворец!

Я рассмеялась вместе с ним. Значит, до весны? Но до неё следовало еще дожить.

К середине зимы в деревне начало происходить что-то странное. Дети совсем перестали учиться, словно в облаках витали. Да и мужчины стали более рассеянными. Нет, все старательно занимались своими делами, воины – обучались, женщины сутились по хозяйству, но все словно ждали чего-то.

– Куён, что происходит? – не выдержала я, когда девочка, против обыкновения, плохо помыла собачьи миски.

– Ой, простите, – она кинулась переделывать.

– Подожди, – остановила я ребенка, – вы чего-то ждете? Вон, даже помост в центре деревни возвели. Зачем?

– Так середина зимы, учитель! – Куен смотрела на меня, как на дурочку, – Принц будет просить Черепаху не сердиться и благодарить за то, что в этом году нет сильных морозов.

– Черепаху? – я все больше понимала, что, несмотря на несколько месяцев, проведенных в деревне, почти ничего не узнала об окружающих меня людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.